

Людмила Астахова, Яна Горшкова

ПЛОДЫ СВОБОДЫ

Помни о жизни

Людмила Астахова

Плоды свободы

«ЭКСМО»

2012

Астахова Л. В.

Плоды свободы / Л. В. Астахова — «Эксмо», 2012 — (Помни о жизни)

ISBN 978-5-699-53938-3

Все однажды заканчивается. Наступает день, когда приходит конец народному терпению, когда слабые и беззащитные люди становятся несокрушимой силой, которая во имя свободы способна низвергнуть любую власть и любых богов. Зерна будущего уже дремлют в Земле Радости, осталось лишь щедро полить ее кровью. И пусть цена Свободы непомерно велика, а плоды горьки. Каждый заплатит свою цену, и никто не останется в стороне.

ISBN 978-5-699-53938-3

© Астахова Л. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

* * *	11
Рамман Никэйн, граф Янамари	11
Майрра Бино	16
Кэйррон ир-Сэйган, капрал	20
Грэйн	23
Джойана Ияри	25
Грэйн	28
Джона и Форхерд Сид	29
Майрра Бино, вдова	36
Херевард Оро	38
Майрра Бино, вдова	41
Рамман Никэйн граф Янамарский	43
Джойана Ияри	50
Грэйн	52
Идгард и Сина	54
Рамман Никэйн	56
Аластар Эск, князь Файриста	58
Рамман Никэйн	60
Грэйн	63
Илуфэр Омид, северянка	65
Элайн Конри	68
Джэйфф Элир, шуриа	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Людмила Астахова, Яна Горшкова

Плоды свободы

*Благодарим за помощь, советы и поддержку
Наталью Ивченко, Елену Аликперову, Аркадия Курамышина, Яну
Кучееву, Ирину Поварчук, Наталью Шнейдер
и всех членов ЖЖ-сообщества, посвященного циклу «Помни о
жизни».*

«Новости Файриста»

№ 51, от 20 октября 20 года НФ (Файрист)

Визит Князя Эска на Шанту

Князь Аластар Эск отправляется на днях, как известно, с визитом на остров Шанта. Иностранные газеты полны комментариев по этому поводу. В поездке видят желание князя восстановить более близкие отношения с Ролэнси, расстроившиеся в последнее время. [...]

Ролфийские газеты, однако, сдержанно относятся к этому сообщению. [...]

Предстоящие торжества в Амалере

В столице идут приготовления к предстоящему 10 ноября празднованию Независимости Северного Княжества Файрист. Из провинции Янамари прислан традиционный подарок – 120 ящиков первосортного вина, знаменитого своим вкусом. Составлены списки отбывших две трети заключения преступников. Они будут выпущены на свободу. [...]

* * *

«Часовой Индары» № 75

от 3 ноября 328 года от ВР (Эббо)

За границей

Сенсационный слух

Из достоверных источников получен сенсационный слух, будто Файрист получил от Ролэнси концессию на постройку железных дорог и оборудование для оных. Вопрос будто бы принципиально решен, и сейчас обсуждаются частности, главным образом сроки концессии.

Народные приметы

Рыболовы северных берегов Локэрни убеждены в скором восстановлении синтафской династии. По их приметам, ловля селедок была чрезвычайно обильна во время царствования императоров Атэлмара 7-го и 8-го, сделавшись совершенно ничтожной в период нового режима. Но в этом году селедки снова ловятся в изобилии, вследствие чего рыболовы и ожидают возвращения северных графств под власть синтафских императоров.

Новости биржи

Биржа в начале дня была очень твердая, потом, под влиянием предложений, несколько ослабла; к вечеру вновь успокоилась. Слухи о новых железнодорожных займах для частных обществ на файристьянском рынке подтверждаются. [...]

* * *

*«Ежедневный Коримский Листок»
(Идбер)*

Городские происшествия

Вчера, 2 ноября, в 9 часов утра, в лавку г-на Муэри, в доме г-жи Силлки, по Козлову пер., ворвался неизвестный грабитель и набросился на находившегося в лавке приказчика Ромерта Горта, раздел его, связал по рукам и ногам, а затем, взломав кассу и захватив всю наличность, скрылся.

* * *

*«Новости Вэймса»,
от 5 ноября 328 года от ВР (Идбер)*

Дерзкое ограбление

Третьего дня в окрестностях города Рамсил вооруженный разбойник остановил пассажирский дилижанс в то время, как тот проезжал через лес, и обворовал путешественников.

* * *

*«Новости Дня»,
от 6 ноября 328 года от ВР (Эббо)*

От заграничных корреспондентов

Ролэнси. Подарки островитянкам

По слухам, из Эйнсли отправлен в форт Сигрэйн на пароходофрегате целый транспорт синтафской парфюмерии. Отправлены почти исключительно духи и высшие сорта мыла.

Файрист. Удачное начало плавания

Незадолго до отплытия пароходофрегата «Слава Глэйсэйта» полиция конфисковала среди находившегося в гавани багажа ящик с порохом. Полиция получила письмо с извещением, что тайное общество беглых ролфийских оппозиционеров «Дети Кинэйда» намерены взорвать корабль. Ящик был сдан в багаж, как говорят, неизвестными лицами вечером накануне.

* * *

Театр и Музыка

Нововведения

Все кафешантанные «звездочки» обязаны подпиской не носить на юбках разрезов, обнажающих трико, а опереточные исполнительницы не выходить с обнаженными руками в сцене, где изображается спальня. На последнем спектакле все были в рубашках с рукавами.

* * *

**«Новости Вэймса»,
от 7 ноября 328 года от ВР (Идбер)**

Срочно в номер!

Из Рамсила сообщают: ограблен «Президентский ссудный банк». Похищено свыше 20 000 оули – серебром, часть – золотом и бумажками. Виновники скрылись бесследно. Производятся энергичные розыски.

* * *

**«Биржевые Новости»,
от 1 ноября 328 года от ВР (Эббо)**

Биржа закончилась в очень твердом настроении специально для Брянских акций и в устойчивом настроении для всех остальных бумаг. Только с нефтяными слабовато.

За рубежом

В столице Фирсвита недавно организовался среди интеллигенции кружок, который задался целью носить исключительно шурианский наряд. Однако членам кружка пришлось бросить это намерение, так как в таких костюмах их не пускают в общественные собрания.

Убийство ролфийского богача

Крайне дерзкое зверское убийство обнаружено вчера около 1 ч. ночи. Убит в центре города на углу Линейного и Свечного пер. путешествующий финансист из Ролэнси – г. Кэйд ир-Силэйн. [...]

Цель убийства – грабеж. [...]

* * *

**«Новости Вэймса»,
от 10 ноября 328 года от ВР (Идбер)**

Попался

9 ноября в окрестностях Вэймса, на хуторе г-жи Рос задержали опасного грабителя шурианской национальности, который, по слухам, успел ограбить несколько банков и дилижансов. Разбойник назвался беспаспортным Элиром и заявил, будто он был сильно пьян, а потому ничего не помнит. Шурианца отвели в участок. Деньги возвращены.

* * *

*Агентство Новостей Файриста
от 9 ноября 20 года НФ (Файрист)*

Протокольные события

Сегодня в Кэйнигэске состоялся завтрак, на который были приглашены ролфийский чрезвычайный посланник и Сиятельная Княгиня Шантийская. [...]

Во время завтрака, начавшегося во 2-м часу дня, Его Высочество Князь провозгласил тост за здоровье Вилдайра Эмриса, сопровождавшийся звуками ролфийского гимна.

* * *

*«Новости Вэймса»,
от 25 ноября 328 года от ВР (Идбер)*

Мелочи заграничной жизни

В Индаре некий шурианский богач Дэлшэд Эрмид выиграл в отеле «Президентский» 50 тысяч оули. Этот колоссальный выигрыш разорил шесть лиц, игравших с Эрмидом, который, между прочим, объявил, что не будет больше играть в карты, пока не истратит всех выигранных денег, причем назначил для этого срок в две недели.

* * *

*«Новости Дня»,
от 22 ноября 328 года от ВР (Эббо)*

Театр и музыка

Блестящая публика, полный зал – явление редкое в конце осеннего сезона – масса подарков и цветы, цветы, – такова внешняя картина вчерашнего оперного спектакля «Отсана» с участием знаменитой артистки г-жи Ривис.... Успех был огромный. Г-жа Ривис – безусловно, интересная артистка, живая, грациозная, полная огня; интерпретации артистки оригинальны. Обворожительна и ее пластика....

* * *

*«Биржевые Новости»,
от 1 декабря 328 года от ВР (Эббо)*

Утонувший

Некий обыватель по фамилии Фэлтс, проходя по берегу Крабьего канала, сорвался с берега в воду. Быстрым течением воды неизвестного отнесло на середину канала; здесь на него налетело бревно, под которым он и понесся к устью. Спасти утопавшего не представилось возможности.

Событие в Ботаническом саду

Краса Индарского Ботанического сада – растение Эзэла расцвела в первый и последний раз в своей жизни и служит предметом всеобщего внимания. Двери теплицы открыты для публики с утра до вечера, и в ней весь день толпятся посетители, любующиеся огромным цветоносом и ароматными цветками...

Разоблачение

С целью ознакомления публики с приемами и способами карточных выигрышей шулеров, некто Корбин Далас хлопочет об открытии при каком-либо из Индарских клубов небольшого музея с коллекциями крапленых карт и описанием вольтов, передержек и проч.

* * *

*«Верное слово»,
1-й номер декабря 328 года от ВР
(Фирсвит)*

За рубежом

Идбер. Из Индары сообщают, что здесь один пьяный пустил в себя шесть пуль.

Файрист

В Янамари в этом году выпал такой глубокий снег, которого не запомнят старожилы, в некоторых пунктах он превышает человеческий рост, и многие тамошние деревни засыпаны им до кровель.

К нескольким бывшим в Эскизаре случаям заражения сапом прибавилось еще два. На днях в городе Мариес 17-летняя девушка, проходя мимо колод, из которых возчики поят своих лошадей, заразилась сапом и скончалась в страшных мучениях. На одном из постоянных дворов заразился сапом извозчик.

Сделана была попытка взорвать княжеский замок Кэйнигэск. Несколько помещений пострадали. Жертвой пала леди Амерэтэт Вэан. Полагают, что

злоумышленники намеревались покуситься на Священную Невесту Е.С.О. Вилдайра Эмриса – леди Джойану Ияри, шурианку.

Эббо. Индарские газеты продолжают жаловаться на азартную игру в карты, сделавшуюся истинной язвой всех сословий. Правящие классы, равно как и простолюдины, охвачены этой страстью, несмотря на всю строгость кар, которые ожидают игроков.

* * *

*«Новости Дня»,
от 10 января 329 года от ВР (Эббо)*

Сложная ситуация в Файристе

Из Файриста сообщают, что с некоторых пор замечается революционное движение в Янамари. Правительство приняло суровые меры. Столица и ее окрестности объявлены на осадном положении. Уверяют, что эти мероприятия предприняты по настоянию окружающих князя Аластара Эска.

По полученным известиям, революция в городе Дэйнле распространяется, и вся провинция Янамари находится в восстании. Со дня на день ожидается отправка правительственных войск с боевыми припасами. [...]

* * *

Посвящается нашим матерям, Марианне и Вере

Рамман Никэйн, граф Янамари

Зимы в Янамари всегда были многоснежные, но обычно, как наметет за ночь сугробы по пояс, так и растает вся эта белая перина через два дня на третий. Аккурат, к веселому солнечному полудню, радуя крестьянина несказанно. Земля, вспоенная небесной влагой, будет щедра по весне и оплатит труженику стократно. А вот чтобы Нама так замерзла, что по ее льду мог запросто пройти взрослый человек без риска провалиться, такого в прежние годы не было никогда. О том по крайней мере в один голос твердили старожилы, те немногие янамарцы, кто помнил зимы столетней и более давности.

Раммана нынешняя зима тоже ничуть не радовала, но ему, в отличие от земляков, винить было совершенно некого. А вот его самого добрые сограждане, похоже, собрались осудить за все неприятности скопом. Дэйл, такой тихий, благопристойный, уютный и чистенький, почти игрушечный, словно бы волей злого колдуна превратился в гудящее осиное гнездо бунтарства. Дым от костров, которые обыватели развели почти на каждом перекрестке, поднимался к небу, отчего издали казалось, будто город уже подвергся обстрелу из гаубиц и теперь дымится пожарами.

– Протестуют, ваша светлость, – мрачно доложил полицмейстер, поджидавший графа на въезде в город.

– По какому поводу?

Господин Эрлинг только бессильно рукой махнул. Дескать, поводов для народного недовольства хоть отбавляй. Выбирай любой на свой вкус – не ошибешься.

Рамман мерил шагами двор между пакгаузами.

– Если бы не очередной рекрутский набор, то, может, и пронесло бы, – рассуждал полицейский чин, бродивший следом. – А тут все разом – мороз, цены на хлеб, виды на урожай хуже некуда, миледи-шуриа, а тут еще про будущую войну с Синтафом заговорили... И понеслось. Теперь собрались на центральной площади, возле магистрата.

– А что же господа магистры?

– Забаррикадировались внутри.

– За-ме-ча-тель-но. Кто зачинщик беспорядков?

Эрлинг нехорошо так скривился, словно проглотил померанцевый плод целиком. Лицо его побурело от прилива крови, и даже белки глаз порозовели.

– Полагаю, ваша светлость, что засланец с той стороны границы поработал, – прошептал он на ухо Рамману. – Тив, а то и эсмонд.

– Почему вы так решили?

– Разговорчики про утерянную милость Предвечного... хм... то есть Душееда диллайнского, конечно же.

– О как!

Особенно удивляться не стоило. Оговорка полицмейстера говорила красноречивее всяких слов. Никто про лжебога не забыл, как не истерлись в памяти чудеса, на которые горазды были волшебники-эсмонды.

– Что ж... Берите своих людей, Эрлинг. Идем к Городскому Собранию.

Решимости Рамману Никэйну не занимать. Двадцать лет он умудрялся относительно мирно сдерживать недовольство сограждан. Князь Файриста подданных благоденствием не

баловал, чуть что не так, присылал карательные отряды. Графу Янамарскому подобная перспектива не улыбалась ничуть, а потому у него на каждого мало-мальски значимого человека имелась своя, небольшая, но крепкая узда. Безгрешных под тремя лунами практически нет. У одного неприличный секретик имеется, у другого – выгода, которую страшно потерять, а за третьим преступленьице числится – как раз на пять лет каторжных работ по нынешним законам. Очень по-шуриански, но что тут поделаешь.

– Сейчас поглядим, кто у нас такой бойкий, – прошипел Рамман себе под нос.

А на площади выяснилось, что бойких сыскалось куда как много, почитай, все взрослое население города. Костры, разложенные ради обогрева замерзших протестантов, а также в знак неповиновения, коптили аккуратно побеленные стены домов. Глухо, как пчелиный рой, гудела толпа, изредка взрезаемая, точно ножом, женской визгливой бранью, лаяли очумевшие от столпотворения собаки, каркали рассерженные вороны, монотонно звонил набатный колокол. Засевших в здании Собрании градоначальников от бунтующих горожан охраняла рота стрелков, перегородив редкой цепью широкую, на весь фасад, лестницу парадного входа. Самому Рамману здание магистрата напоминало резной сундук, вроде тех, что до сих пор пылятся на чердаке Янамари-Тай. Такое же крайне вычурное и неуместное творение зодчих времен Ательмара Пятого, когда без завитушек по всему фасаду не обходились даже коровники. Одного взгляда хватит, чтобы преисполниться сословной ненавистью. Вот, дескать, где самое гнездо кровососов.

Графу, явившемуся на встречу с мятежным народом, препятствий чинить не стали, но и должного уважения не проявляли. А на ступеньках магистрата Раммана уже поджидали зачинщики... Точнее, те, кто набрался смелости говорить от имени толпы.

Знакомые лица: барон Шэби – землевладелец, господин Рэспит – винозаводчик, Килиган Новир с сыновьями – хозяева нескольких мануфактур, а по сути, одни из самых известных людей во всей провинции. Не удивительно, что с такими жожаками дэйнлцы отважились на открытое неповиновение.

«Проклятье! – мысленно воскликнул Рамман. – Этого еще не хватало!»

– Добренького денечка, милорд, – дерзко улыбнулся Шэби. – Вы очень кстати пожаловали.

Остальные главари сдержанно поклонились. Слишком сдержанно.

– По какому поводу собрание? Есть ли дозволение магистрата?

Расшаркиваться перед бунтовщиками граф Янамари тоже не стал. Еще чего не хватало!

– Да мы бы и рады взять дозволение, но солдаты внутрь не пускают.

У Шэби имелась крайне неприятная манера все время приноживаться, словно от собеседника неприятно пахло.

– Если вы расскажете, что случилось, то я поговорю с градоначальниками.

– А вы не догадываетесь, милорд? Народ оскорблен и негодует, – фыркнул господин Рэспит.

– Да? А я вижу лишь толпу обнаглевших хамов, которые малюют на стенах всякую похабень и мочатся в фонтан, – проворчал Рамман. – И чем же оскорблен наш добрый народ?

– Для начала внеурочным рекрутским набором.

«Псы тебя раздери, Аластар! Скоро в армию станут грести десятилетних мальчишек», – подумал граф, но вслух сказал совсем иное:

– Наш милостивый князь старается защитить княжество от посягательств Синтафа. Неужели вы думаете, что новобранцы ему нужны для красоты? А ну как по весне война начнется? Вот они и успеют обучиться необходимому.

– Так ведь не по двое-трое, а по десять мужчин от общины! – взорвался Новир-младший, потрясая кулаками куда-то в северном направлении. – Весной в поле выйти будет некому!

Говорил он нарочито громко, чтобы эти слова услышали на площади. И началось.

– Если доживем до той весны! – крикнула какая-то женщина.

Дородной даме истощение точно не грозило, но толпа подхватила возмущенный вопль.

– От морозища уже вся лоза померзла!

– И от озимых ничего не останется!

– С голоду пухнуть начнем, точно ролфи на своих островах!

– Пока они у себя сидели, так и у нас недорода не случалось.

– А мужиков под ружье ставят!

– Одного сына угробили! Не отдам младшего в солдаты! Стреляйте в меня, изверги! Не отдам! – верещала какая-то истеричная горожанка.

Рамман набычился. Ему уже успели до полусмерти надоесть постоянные упреки в грядущем голоде и непомерных аппетитах Аластара, звучавшие в его адрес на заседаниях Совета Графства.

– Пример Канаварри никого, как я вижу, ничему не научил.

Тамошний народный бунт для мятежного соратника Эска, его сторонников и всего народа кончился печально. Между двух огней – между Аластаром, радостно ухватившимся за возможность прикончить политического конкурента, и Херевардом, воодушевленным шансом оторвать от Файриста изрядный кусок, уцелеть было невозможно. Канаварри буквально выгорело, в некоторых местах до голых камней. И большинство графств усвоили горький урок. Кроме Янамари, как теперь выяснилось.

– Мы требуем справедливого отношения и вполне заслуженного уважения.

Ах, как бы хотелось Рамману Никэйну подняться на пару ступенек выше и воззвать к разуму людей, что собрались на площади. Объяснить им, что сейчас не самое лучшее время для столь явного недовольства. Что князь в Амалере не склонен к компромиссам с оппонентами, совсем не склонен. Напротив, скорее всего Аластар пришлет для усмирения несколько полков с недвусмысленным приказом: мятежников – на рудники, вожаков – на виселицу. Но толпа безумна, она абсолютно глуха к голосу рассудка. Не поможет ни пафос, ни стройность и логичность рассуждений. И наличествующий у каждого отдельно взятого обывателя здравый смысл попятится перед напором общего настроения.

– То, что происходит здесь и сейчас, – Рамман сделал плавный жест рукой, – именуется в депешах «злостным неповиновением властям», то бишь, господа хорошие, вы бунтуете против законных требований верховного властителя. Какой, вы думаете, на это будет ответ из Амалера? Эск извинится и скажет: «Эк, я запамятовал! В Янамари ведь живут самые лучшие мои подданные! Как же я мог их так обидеть? Конечно же, никакого рекрутского набора не будет!» Так?

Но явный сарказм его слов мало впечатлил ближайших собеседников, не говоря уж про дальних. Тем более что настроения в толпе преобладали воинственные и лозунги звучали совсем не миролюбивые.

– Доколе нам терпеть издевательства? Доколе биться без помощи и поддержки?! Одни брошены на погибель! – громогласно причитал кто-то за спинами потрясающих кулаками горожан. И если их голоса сливались в равномерный гул, напоминающий рокот морской, то этот резкий голос выделялся и ввинчивался в уши. – Без божьей помощи, без высшей защиты! Оттого и зимы суровы, и недород!

– У-у-у-у! Без богов никак нельзя!

Рамман насторожился, даже на цыпочки привстал, чтобы разглядеть звонкоголосого подстрекателя. Не любил он эти разговоры и прекрасно знал, откуда они берутся. Херевард Оро ведь тоже не сидит сложа руки.

– Да с чего вы взяли, что непременно будет недород? Снегу-то намело сколько, – возмутился он, глядя в упор на барона Шэби. Тот, сколько Рамман себя помнил, практиковал про-

грессивные методики земледелия, выводил новые сорта, и, к слову, лучшее вино всегда было у него. Называлось «Шэби Зэрин» – «Золото Шэби».

– Нет больше с нами божественной силы, – вздохнул барон и глаза отвел.

«А вот мы и добрались до сути!»

– Хотите к тивам под крыло? – напрямик спросил Рамман. – Готовы платить душами за колдовство?

– Так вроде же наши души Предвечному не по вкусу? – хмыкнул Новир-старший, здорового роста мужик, переживший четырех последних императоров и помирать не торопившийся.

«Все-таки эсмонды...» – с какой-то тоскливой обреченностью подумалось сыну шуриа. Он до последнего надеялся, что недовольство возникло само по себе, игнорировал тяжелое пыхтение господина Эрлинга за плечом. Но – нет, все гораздо сложнее и безнадежнее. Самое время врезать себе кулаком по лбу и честно назваться слепым дурнем, прошляпившим эсмондских шпионов-подстрекателей.

– Пусть чистокровок жрет, нам-то чего беспокоиться, – продолжал фабрикант.

– А вы, господин Новир, собрались жить вечно?

– Отчего бы и нет, ваша светлость? Моя душа! Чего хочу с ней, то и делаю. Коль она бесприютна, а Предвечному и богиням-лунам без надобности, то я как-нибудь сам разберусь, что для нее хорошо, а что – нет. А вот без благоволения божественного худо нам всем.

– Без магии, из душ диллайнских переплавленной и купленной за денежки, – уточнил на всякий случай Рамман.

– А хоть бы и так! Мне какая разница, из чего что добывается...

«И всем безразлично. Лишь бы делалось по их воле, по их желанию. Изнасиловать землю, заставить дожди течь вопреки природным силам, исковеркать законы жизни – вот что такое магия Душежора-Предвечного». Шурианская кровь – материнский дар, незаметная ни в чертах лица, ни в характере, нет-нет, да и подавала знаки своего присутствия всплесками повышенной чувствительности к движениям Тонкого мира. Рамман не видел духов природных, но чуял верхним собачьим чутьем – что-то не так, плохо все, испоганено, изуродовано.

– А когда бы еще ваша маменька в Янамари носа не казала...

Новир окончательно зарвался и сам понял, что перешел границу дозволенного. Графу не понадобилось даже «по-волчьи» глядеть и скалиться в манере «тетушки» Грэйн.

– Не поймите превратно, ваша светлость...

– Уже понял. Должно быть, шуриа – самый великий народ из всех живших под тремя лунами, если одна маленькая беззащитная женщина способна вселить ужас в сотни сильных мужчин.

– Она – проклята. Была проклята, – фыркнул господин Рэспит. – И если Эск...

На этих глупых словах, высказанных человеком, которому пристало видеть чуть дальше собственного носа, терпение Раммана истоцилось окончательно.

– Нет, не если, господа, а когда Эск введет войска и начнет вешать на фонарях, расскажите все то же самое офицерам. Если до сих пор Янамари благоденствовало... Да! Именно благоденствовало в сравнении с другими провинциями! И в том есть лично моя заслуга, как самого лояльного из пресловутого Совета Восьмерых. Двадцать лет я отстаивал интересы Янамари и сейчас не пойду против законного сюзерена. И вам не советую.

Джона рассказала про Аластара достаточно, чтобы граф проникся острыми впечатлениями.

– Так что скажите этим людям, что их сопротивление только усугубит положение, – устало молвил Рамман. – Не в моих силах изменить намерения князя, но в ваших – унять толпу и хотя бы попытаться...

Но закончить фразу ему не дали. Где-то на противоположном конце площади вдруг поднялся визг. От дикого крика «Северяне!» людская масса вдруг всколыхнулась и подалась вперед, прямо на стволы ружей охраны магистрата. Еще мгновение назад бывшие нормальными, человеческие лица превратились в оскаленные морды безумных животных.

– А-а-а! Северяне идут!

– Какие северяне? В Янамари? Чушь! – пытался сопротивляться Рамман. Но никто его не слышал и не слушал.

Толпа перла тараном. И стоит ли удивляться, что господин Эрлинг не сдержался и приказал стрелять?

Майрра Бино

На площадь Майрра пришла по своей воле и желанию, никто ее на веревке не тянул. Хоть мать отговаривала, мол, нечего бабе среди мужиков толкаться, неприлично это. Однако же усидеть дома, когда уже несколько дней весь город лихорадит, когда все разговоры только про политику, нет никакой возможности. А еще накануне Майрре приснился Арагир – весь израненный, на последнем издыхании... Таким, как женщина всегда представляла себе мужа, который помер и похоронен был вдали от родного дома, в последний его час.

– Лежит он, значица, на кровавой простыне, – рассказывала она соседке-землячке из сожженных дотла Синиц. – Уже в саване, и смотрит на меня, совсем как наш пес Рыжик, когда его синтафец пристрелил.

Бывшие синичане, кто уцелел, подались в Дэйнл и поселились в предместье рядышком. Так оно, плечом к плечу, среди знакомцев, легче начинать жизнь сызнова. Всегда можно поделиться наболевшим, без риска осмеяния. Слепую мать Майрра беспокоить не стала, а старинная подруга всегда готова и выслушать, и пожалеть, и вместе поплакать, ежели понадобится.

– Говорил-то он чего? – тут же заинтересовалась та.

– Ничего. Молчал. Только глядел с укором. Мол, за что со мной так? А потом... – Майрра отерла слезинку со щеки. – А потом протянул мне колечко, которое на свадьбу дарил. Серебряное...

И погладила средний палец на левой руке, где носила мужнин подарок, не снимая, пока не пришлось продавать все ценное, чтобы в Дэйнле купить хибарку на окраине.

– Значит, душа его неспокойна, – со знанием дела сказала соседка.

– Это я и так знаю. Полукровки, говорят, на скитания вечные обречены. Не знаю, как утешить его. Раньше бы заказала у тива поминовение и пожертвование, а теперь чего делать – не ведаю.

– К оракулу, что ль, идти?

То, что покойники являлись в сны живых не просто так, – это понятно. Их всегда принято было поминать на рассвете добрым словом. Но если у служителей Предвечного на сей счет существовало множество утешительных обрядов – от простых и бесплатных оглашений перед алтарем до сложных и дорогостоящих действий, то оракулы Меллинтан за поддержание контактов с потусторонним миром не отвечали. Вот и маялись простые обыватели сомнениями.

– Я пойду на площадь, – решительно сказала Майрра. – Терять мне больше нечего.

– А ну как затопчут?!

Женщина безразлично отмахнулась. Всю жизнь молчала, и когда Арагира забирали в армию, и когда сыновей – тоже. И как сказал давешний агитатор-подговорщик, которого, затаив дыхание, слушала, почитай, половина рынка: «Тот, кто безропотно везет, на того и потяжелее мешки кладут». А уж как они здесь, в Янамари, везут, так еще по всему Файристу поискать.

В молочном ряду, где Майрра Бино торговала козьим сыром, воодушевились не только торговцы, но и покупатели, и очень многие изъявили желание объяснить властям провинции, а еще лучше донести до самого графа Никэйна, что бесконечно выжимать соки из народа нельзя.

Строго-настрого запретив внучке – взрослой уже, но такой легкомысленной девице, открывать двери, а матери пытаться самой растопить печку, Майрра отправилась к магистрату. Она уже привыкла к суетной городской жизни и без всякого смущения влилась в толпу шагающих в том же направлении дэйнлцев. Женщины вооружились сковородками и скалками – для пущей громкости протестов, мужчины – кочергами и садовыми лопатами на всякий случай.

Бывшая селянка представляла городской бунт очень похожим на деревенскую драку, только масштабнее. А все оказалось спокойнее, организованнее и как-то даже страшнее. Гул

сердитых голосов и звон колокола, угрюмые лица обывателей и возмущение в глазах полицейских стражей, режущее пламя костров и черные хлопья копоти внушали женщине животный ужас.

– Эй, тетка! Ты – в красном платке!

Майрра испуганно вздрогнула, оглядываясь вокруг.

– Да! Ты! Не стой на дороге, иди сюда!

Паренек – ровесник ее младшего сына, заживо сгоревшего в Синицах, приветливо помахал рукой. У бедняжки аж сердце зашлось – до того похож. И даже веснушки на носу. Майрру ноги сами поднесли к пареньку и его сотоварищам. Юноша протянул руку для пожатия, царапнув ладонь застарелыми мозолями.

– Я тебя знаю. Ты вкуснющим сыром торгуешь на Речном рынке.

Женщина зарделась от смущения, словно девочка. Какое-никакое, а признание заслуг.

– Так я это... всегда такой... стараюсь...

– Я ж говорю – просто объедение твой сыр. А меня зовут Шамис, – сказал паренек и приподнял шляпу, а потом показал на своих друзей, таких же юношей в рабочей одежде, и по очереди их представил: – Мариар, Симман, Кэвлин. Мы – подмастерья с новирской фабрики.

«Коротышка, Увалень и Пройдоха», – мысленно обозвала Майрра новых знакомцев.

– А правду говорят, будто ваш хозяин и девушек на работу берет? – поинтересовалась она.

– Берет, только платит немного. Три лейда в день.

Но бывшую крестьянку расценки ничуть не смутили. Она давно хотела пристроить внучку к делу, чтобы и денег в дом приносила, и на людях была. Майрра осторожно бросила на смазливового Шамиса придирчивый взгляд, прикидывая в уме, как бы половчее выдать за него свою девку. Оно ведь особой учености не требуется, чтобы понимать – будущее за фабриками. Этим-то и хорош большой город, что здесь всякой работы полным-полно, были бы руки на месте и голова на плечах.

– Чем мы хуже конфедератских? Там революции в ночных сорочках делали, с голыми задницами, и всего, чего хотели, то получали, – вещал невзрачный мужчина в потертом рединготе. – Потому что не сидели молча, точно мыши под совком.

Грязный шелковый платок дергался на тощей, заросшей серой щетиной шее, когда он закашливался на морозе. На фабричного он не походил ни манерами, ни речью, хотя мужичонка изо всех сил старался выглядеть своим.

«Подговорщик», – сразу догадалась Майрра. Тот, вчерашний, с рынка такой же был, хоть лицом выглядел иначе.

– Так мы вроде бы и не революцию тут затеяли...

– Совершенно точно. Но именно с громогласного протеста и начинается переделка общества по справедливости.

– Смотри, чтоб нас самих в покойников не переделали, – нервно хихикнул щуплый Мариар, кивая в сторону стрелков на лестнице магистрата.

– Не посмеют, – убедительно заявил агитатор. – Стрелять в людей, которые завтра пойдут на войну, неразумно. Власти это понимают. Кому же потребны враги за спиной воюющей армии?

Умом Майрра понимала, что мужичонка-подговорщик прав, но что-то мешало верить каждому его слову. В голову пришло достойное сравнение: когда на погребении голосит вдова – убедительно, а когда наемные плакальщицы – горе родни выглядит ненастоящим.

Женщина отошла в сторонку, решив послушать, о чем говорят в соседней компании.

– И есть ли разница между Файристом и Синтафом? Вот задумайтесь, сограждане. Эсмонды сословия вообще отменили, так разве это плохо? У конфедератов так давно. И живут

и не тужат, – рассуждал симпатичный молодой человек, одетый аккуратно, но недорого. – По сути, наш Эск делает то же самое, только иным способом. Ему отчего-то можно.

– А как же с Предвечным...э... с Живоглотом? – крикнул кто-то из слушателей.

– Прекрасный вопрос, – улыбнулся белокурый красавчик, он явно ждал подобный вопрос. – Эсмонды лучше прочих в курсе пристрастий своего бога, и что же? Они продолжают ему служить. А кто такие эсмонды? А они чистокровные диллайн, то бишь, те самые люди, чьи души пойдут на прокорм Предвечному. Вы хоть раз видели эсмонда-идиота? Я – нет. Значит, не все так просто. Благо... кхм... Херевард Оро не оставил свое служение и по сей день запросто творит чудеса. Я бы на вашем месте крепко задумался об этом странном факте, дамы и господа.

Майрра так и сделала – задумалась. Сказать по правде, делала она это редко и только по крайней необходимости, но даже небольшое усилие принесло неожиданные плоды. С одной стороны – Благословенный Святой Тив наверняка знает толк и в магии, и в богах, и в посмертии, а значит, его мнению простым людям следует доверять, а с другой стороны – себя могущественный эсмонд уж точно не обидит и всегда найдет лазейку. Для себя. На остальных ему плевать с высокой горы.

Женщина, вдохновленная подвигом на ниве свободомыслия, собралась с духом и высказала все это вслух. И что удивительно – получилось. Косноязычие куда-то делось, страх перед толпой сам собой исчез, язык вдруг проявил небывалую бойкость, а мысли – гибкость.

– Знают эсмонды какие тайны аль нет, нам до этого никакого дела нет. Как им до нас. Вот стреляйте меня, но ни за что не поверю, будто эсмонд станет голову себе ломать, как нас, полукровок, после смерти пристроить с толком. Да кто вообще знает, что с нами апосля станется. Уж не тив Херевард – точно.

– Но и князь Эск не слишком озабочен, как мы без магии с морозами и засухами справимся, – возразил миловидный подговорщик. – Его подати интересуют. И рекруты.

– А Хереварда что-то иное волнует? – искренне удивилась Майрра.

Весь ее жизненный опыт подсказывал, что господам потребно только одно – налоги в срок и покорность закону, а как те господа зовутся, не имеет никакого значения. Что граф-полукровка, что графиня-шуриа – один хрен.

– Так вы, уважаемая, согласны, что власти Файриста мало чем отличаются от синтафских? – вкрадчиво спросил молодой человек.

«Ага! Решил, будто бабу-дуру поймал в ловушку?!» – возмутилась новоявленная ораторша.

– Да я при Ательмаре Шестом родилась, – заявила она, подбоченясь как во время бойкого торга. – Уж поверь, мил друг, нынешние времена сравнивать есть с чем. Когда бы не война, то по-прежнему бы жили.

Война проклятушая унесла Арагира и мальчишек, а виновны в ней были Аластар Эск и Херевард Оро, и особой разницы между двумя диллайн урожденная синичанка не видела.

– Кабы не раздор, то жила бы я в наших Синицах и кланялась тому же графу Никэйну. И ничегошеньки не поменялось бы. К тиву бы ходила, когда приспичит.

Хотела в сердцах еще пару ласковых добавить, но вокруг загалдели, точно на пожаре.

– Слышь, Майрра, вроде бы как сам граф Рамман приехал, – крикнул ей на ухо Шамис и за рукав потянул поближе к лестнице магистрата. – Идем, идем! Там барон Шэби будет с графом переговоров вести.

Чего-чего, а такого Майрре видеть не доводилось. Барон, конечно, не граф, но интересно же, как господа станут торговаться. Уж, наверняка, не как простые смертные.

Нет, его светлость лицезреть ей доводилось, и не раз: интересный мужчина, как принято говорить в городе. Ростом не обижен, а в остальном... Короче, папаша его – лорд Бранд –

покарасивше был, с огоньком, яркий, шустрый. Но это даже неплохо, что наследник уродился таким хладнокровным и серьезным. Счастье, что не шурия, как мамаша.

Однажды Майрре довелось повстречать проклятушую змеищу, то-то страху натерпелась, аж поджилки тряслись. Вроде бы ничего такого – шуплая коротышка, у которой и личико с кулачок, и ручонки чуть толще паучьих лапок, а как зыркнет мутными глазищами, так прямо к земле прирастаешь.

– Правду говорят, его мамаша приехала с самой Шанты? – шепотом спросил Шамис.

– Да мне ж откуда знать? Но на базаре всякое болтали.

А шептались в основном о том, что злобная шурианка, как и всякая свекровь, сынову невесту сразу невзлюбила и наслала болячку, уложившую девицу в кровать. Шурия, они на всякие пакости горазды.

Граф с переговорщиками беседовал долго: хмурился, раздувал ноздри, и по всему было видно – шибко недоволен он происходящим в Дэйнле. Из-за шума Майрра ничего услышать не могла, хоть стояла на расстоянии нескольких шагов. Зато оценила добротность ткани его пальто и качество сапог. Знатные сапоги, для верховой езды предназначенные.

– Хорошо, что барон-то перед графом не лебезит! – крикнул женщине на ухо Шамис. – Как с равным говорит.

Господа и впрямь беседу вели без подобострастных улыбочек. Впрочем, кто их знает, что у них на уме.

– Может, и договорятся до чего хорошего.

– Обязательно! – радовался паренек. – Мы ж миром хотим, без кровопролития и душегубства обойтись.

Но крестьянское здравомыслие Майрры Бино напрочь отметало все иллюзии, питаемые юностью соратника. Так не бывает, чтобы народ против власти пошел, и ничего ему за это не было. Она смотрела на обветренные лица полицейских стражей, на поддрагивающие руки стрелков и почти не сомневалась – одними разговорами ничего не закончится. Но, к собственному изумлению, ничего, кроме мрачной обреченности, не чувствовала. Будь, что будет, но они не отступятся. Хватит! Точка! Терпеть больше невозможно.

Вороний грай, людской гомон, колокольный звон, собачий лай слились в единый вселенский гул, а весь мир вдруг расцвел ярчайшими красками. И когда толпа вдруг рванулась вперед – на ружья, на что-то кричавшего графа, на полицейских, Майрру охватила хмельная эйфория. Она перестала бояться. Вот всю жизнь, с самого раннего малолетства боялась чего-то, то отцовских колотушек, то падких до девичьих прелестей парней, то свекрухиной ругани, а тут – как отрезало. Ни пули не устрашила вдова Бино, ни штыка.

– Бей! Круши! – орала она радостно. – Долой кровопийц! Долой Эсковых прихвостней! Свободы!

Этот отчаянный крик ее подхватил, кажется, весь Дэйнл. И мальчишка Шамис, и его друзья, и какие-то незнакомые мужчины и женщины вопили без остановки: «Свободы хотим!» И ни грохнувший залп, ни кровь, залившая подножие магистрата, не остановили людей.

– Долой войну! Дашь республику!

Когда же все градоначальники, и граф Рамман в том числе, очутились запертыми в подвалах Городского Собрания, Майрра все равно не очнулась от пьянящего ощущения всемогущества. Оказывается, графу тоже можно дать под дых и добавить по шее. А от графа до князя рукой подать. И до Благословенного Святого, кстати, тоже.

Кэйррон ир-Сэйган, капрал

«Неплохо устроились, – одобрительно думал, поглядывая на невысокий каменный заборчик, ограждавший докторское поместье, капрал Сэйган, натаптывая круги по снегу рядом с графской каретой. – Вроде и город рядом, и не на отшибе, а до соседей, случись что, не докричишься... Воля-вольная, до леска, опять же, рукой подать. Непрост, видно, этот желтоглазый доктор, недаром Ее Змейство всю дорогу шипела да плевалась...»

Сэйгану было скучно. Княгиня Шантийская выехала к будущей невестке чуть ли не тайком, с одним лишь кучером, даже без фореиторов на запятках. Поговорить – и то не с кем. С собою ролфийского стража шурианка брать не хотела, ругалась вроде и прилично, по-дамски, но язычок у Ее Священной Особы был остер и ядовит, как настоящее жало. И охрану оставила. Бросила бы в поместье и Сэйгана, если б капрал не уцепился за каретную дверцу, заявив, что ее милости придется его за собою по дороге проволочь. Рисковал, на самом деле, изрядно: разъяренная сразу всем – нерадивостью и косыми взглядами прислуги, спешным исчезновением эрны Кэдвен и, конечно же, игрой в прятки с таинственной невестой, шуриа могла и упереться. Тогда бежал бы настырный Сэйган за каретой, как верный пес. К счастью, вмешался граф, и упрямая леди Джойана, поостыв, дозволила охраннику сесть в экипаж. Тот отказался, поехал снаружи, на запятках. Охранять и бдить так было гораздо сподручней, опять же, и вся диспозиция как на ладони...

Не доезжая обиталища доктора, расстались с графом Никэйном. Того срочно вызвали в город. Ролфи наострил уши, заслышав про «волнения» и «возможные эксцессы», и тайком взвел курки у обоих своих пистолетов. Бунтовать народ может против чего угодно, а бить пойдут все равно шурий, тут и гадать нечего. Насмотрелся он уже в этом хваленном Янамари и наслушался довольно, чтобы понимать – лучше бы леди Джойана сюда и вовсе не приезжать, а раз уж приехала, так сидела бы тихонечко в поместье и дальше парка носа не высывала... О, вот и сейчас из Дэйнла доносился тревожный набатный звон. Пожар у них там, что ли?

И тут, словно богини ответили на мысли и немедля послали соответствующее знамение, из калитки выскочила княгиня. Ошалело оглянулась, споткнулась, едва не запуталась в собственном подоле и с невнятным воплем метнулась от Сэйгана, устремившегося навстречу. Но капрал уже наловчился ловить увертливую шурианку: одним движением ухватил за юбку, умело подсек и сцапал брыкающуюся добычу в надежные ролфийские объятия.

– Тихо, тихо, ваша милость... – бормотал ролфи, попытавшись укачать женщину, будто зашедшегося криком младенца. – Ай! Больно же! Ну, ваша милость, тихо!

Но ее милость не слушалась, рвалась из рук, брыкалась и острым каблучком так заехала Сэйгану по ноге, что тот крикнул и, на миг забывшись, шлепнул Ее Священную Особу по тощему задку. И тотчас опешил, онемел и прижал уши, холодея от своей дерзости. Вопящих баб, то есть излишне впечатлительных женщин, испокон веков приводили в чувство хорошей зуботычиной, но поднять руку на Невесту Священного Князя?!

Однако немудреное народное средство подействовало и на аристократку. Княгиня взвизгнула, зашипела и, наконец-то узнав, вцепилась в шинель капрала, что твой клещ.

– Там труп!!! – крикнула она прямо в лицо заботливо склонившегося Сэйгана.

От неожиданности тот отпрянул и протащил за собой женщину несколько шагов.

– Чего?

– Мертвая! Она – мертвая! Мертвячка! Труп!

– Э-э... Но, ваша милость... Кто мертвый? Невеста? Померла, что ли?

– Болван! – звонко припечатала леди Джойана и выпустила наконец-то шинель. Сэйган перевел дух. – Она – северянка! Понимаешь ты? Северянка! Живая мертвая!

– Ваша милость... – капрал попятился. – Может быть... водички? А?

Но княгиня, верно, успокоилась и без питья, да и в обморок падать не собиралась.

– Болван! – повторила она и метнулась к экипажу: – Рамман! Мне нужен мой сын! Срочно в город!

– Вот и хорошо, вот и ладненько... – пробормотал Сэйган и осекся, будто споткнувшись об остекленевший взгляд позабытого кучера.

– Едем! – потребовала женщина, высунувшись из кареты.

– Так точно, ваша милость! Едем! Эй, ты! Трогай!

Кучер, как очнувшись, тронул так, что лошади взвизгнули, словно княгиня давеча, а шурианка вылетела бы наружу, если б Сэйган не успел снова ее подхватить.

– А пока едем, ваша милость, расскажите-ка мне все толком, – на всякий случай не выпуская подол прыткой леди, попросил ролфи, усаживая ее на сиденье рядышком.

Подпрыгивая на обледеневших колдобинах, экипаж катился вперед, опасно накреняясь и проскальзывая. Ролфи мельком обругал недоумков, привыкших и зимой разъезжать, будто по выбеленному летним солнцем шоссе, на колесах. На полозья зимой надо кареты ставить, на полозья! Хотя какие у них тут зимы, смех один. Чуть снежком присыпало – сразу в крик: чума, сума и светопреставленье! Лед на речке встал – мир кончается и Последние Дни наступают. Тьфу!

– Так что вы, миледи, толковали там про северян? Давайте-ка шляпку поправим, ваша милость, а то взъерошенная вы вся, будто лиса на псарне... хм-хм... – Сэйган смущенно примок под яростным взглядом княгини и умильно прижал уши, дескать, не сердчайте, ваше змейство, я ж не со зла... Женщина фыркнула, но ругаться не стала.

– Она – северянка, эта девица. Я же вижу, – и княгиня принялась пересказывать ему все: и про невесту сына, и про мертвые души северян, и о таинственном «недуге» упомянутой барышни Омид не забыла. Леди Джойана волновалась, как и всякая женщина на ее месте, и пошуриански бурно жестикулировала, но из ее сбивчивого рассказа Сэйган понял достаточно.

– Вот оно как... – протянул ролфи, мигом подбравшись и посерьезнев. Может, кто другой и счел бы речи шурианки истерической блажью будущей свекрови, но с угрозой с Севера не шутят. Да и Священная Невеста – не просто перепуганная дамочка в сбившейся набок шляпке. – Северяне тут, значит, уже завелись! Слетелись, чисто вороны на войну. То-то ее благородие эрна Кэдвен все бранилась, дескать, мертвечинкой ей тянет... Я-то их не чую, ваша милость. Обыватели местные тоже, видать, не научены. А шурий повывели, вот и не углядеть теперь заразу-то.

И, с уважением глянув на княгиню, подумал, что Священный Князь знал, что делал, когда оных шурий решил разводить, дабы они плодились и множились. Вот так сунется теперь на Ролэнси какой северянский мертвяк, а кузены любезные тут как тут! Прав Вилдайр Эмрис, ой как прав!

– Однако ж, ваша милость, зря вы так верещали громко, – осудил несдержанность женщины капрал. – Спугнули ведь заразу! Не зря ж она вам показаться не хотела, знала, стервь, что вы ее вмиг разъясните! Как бы она теперь ни попыталась вашу милость прикончить... а может, уже и пыталась! Эрне Кэдвен, вон, карету взорвали, вас саму в Амалере душили, да и бабочку эскову убили, вроде как по ошибке. Давайте-ка мы с вами теперь в поместье повернем.

– Нет, в Дэйнл! – отрезала шурианка и так треснула кулачком по Сэйгановой коленке, что тот охнул. – Я должна немедленно увидеть сына! Понимаешь? Не-мед-лен-но!

И тут карета дернулась и встала. Сэйган нахмурился.

– Погодите-ка, миледи...

Привстав, он распахнул дверцу и выглянул наружу.

– Эй, братец, ты... Ты куда это?! А ну стой!

Но спина убежавшего кучера безмолвствовала. Не доехав до города с четверть лайга, тот бросил и экипаж, и упряжку, и благородную мать своего господина-графа, и улепетывал теперь по ведущей в Дэйнл дороге, петляя, что твой заяц.

– Дурной знак... – пробормотал капрал, шурясь на панораму столицы графства, расцветенную дымами.

– Что там? – нетерпеливо спросила княгиня и попыталась выглянуть из кареты под рукой Сэйгана.

– Ничего хорошего, – буркнул ролфи. – Слышите, вроде набат?

– Полезай на козлы, и поехали!

– Ваша милость, да посидите же вы тихонечко! Нельзя сейчас в Дэйнл, сами-то гляньте! Змей знает... то есть Локка ведает, что там сейчас! Может, пожар, а может, и бунт? Графу давеча как раз про выступление какое-то донесли.

– Ты так думаешь? – задумчиво молвила она.

Сэйган, уже готовый доказывать свою правоту, перевел дух. Священная Невеста радовала сообразительностью и не очень-то свойственной шурианкам покорностью. Может, это подвох?

– Уверен, ваша милость, – на всякий случай подтверже сказал он. – Набат, выстрелы, дымы... И кучер наш удрал. Не к добру все это и неспроста. А вы, миледи, не в обиду будь сказано, все ж таки шурия. Припомните, как мы по Эскизару ехали! Я уж пригляделся – народ сейчас горячий и суеверный, чуть что, за дреколье хватается, да и с войны, небось, ружей припрятано... Как бы не вышло чего, коли вы им покажетесь... О, слышите? Никак стреляют?

– Ну, довольно! – женщина сердито прервала его уговоры. – Хватит меня увещевать. В поместье так в поместье.

– Вот и хорошо, миледи, вот и славненько... – приговаривая, капрал усадил расстроенную шурианку в карету, тщательно прикрыл дверцу (а защелочки-то снаружи нету, вот жалость!) и взобрался на козлы. Развернуть тяжелый графский экипаж на обледеневшей дороге – тоже задача не из легких.

Грэйн

Зимние дни коротки, даже здесь, на материке. Конечно, по сравнению с той зимней ночью, что царит на Архипелаге, здешние куцые часы, когда солнце подслеповато шурится на заснеженные приграничные болота, и сошли бы за настоящий день, но разве что в запале погони. Хорошо, когда тебя подгоняет воля Локки, сила Огненной Луны греет не только душу, но и тело, а следом, едва не хватая за пятки, мчится Вольная Стая Маар-Кейл! Хуже, когда всего этого нет, и совсем уж невесело сломать лыжу посреди белого безмолвия замерзших топей. Но ролфи на то и ролфи, чтобы упрямо и терпеливо сносить капризы богинь. Грэйн, оставшись без поддержки своей Госпожи, и не подумала роптать. Хотя вот лыжа... с лыжей – это была уже совсем несмешная шутка. Но не эрне Кэдвен сетовать. Закон есть закон – если попользовалась удачей, изволь расплатиться, когда это угодно богам, а не тебе. Все честно: спасая возлюбленного, Грэйн исполнила не только волю Локки, но и собственное желание. И пора платить пришла очень быстро. Оставалось лишь уповать на то, что сложности обратного пути и есть плата...

Ролфийка устала. Да, дети Серебряной луны сильны и выносливы телесно, иногда настолько, что это кажется невероятным. Пробежать на лыжах приграничные болота за один переход. Справиться с шестеркой пусть сонных и нетрезвых, но здоровых мужчин. Все это можно, но без последствий эти подвиги останутся лишь при определенных условиях. Чтобы быстро и много бегать, хорошо драться и жарко любить, здоровая, достигшая полной физической зрелости ролфийка должна очень много есть, а потом долго и глубоко спать. Иначе не восстановить силы, и тело подведет в самый неподходящий момент. Вот как сейчас.

Грэйн все это, конечно, прекрасно знала. Потому и старалась в домике на болотах по большей части есть и лежать. Но... пищи в приюте заговорщиков нашлось не так уж много, и Джэйффу тоже требовалось немалое ее количество. А что до отдыха... Локка, они столько лет не виделись – какой тут, к змеям, сон?

И теперь, посреди снегов, она просто задремала на ходу, убаюканная белым однообразием, неудачно упала, и левая ее лыжа треснула. К счастью, вдоль. Идти дальше было можно, но уже совсем не с прежней скоростью. К тому же темнело, и ролфи, с тревогой поглядев на затянутое низкими снежными облаками небо, просто побоялась заблудиться и сбиться с пути. Говорят, диллайн умеют чутять верное направление каким-то особенным внутренним чутьем, навряд ли почтовых голубей. А ролфи – не умеют. Обычное же чутье, верный волчий нос, тут помочь ничем не мог – снег вокруг, а старую ее лыжню давно уже замело.

Ролфийка откинула заиндевевший шарф, которым закрывала лицо до самых глаз, и дыхание у нее мгновенно занялось от стужи. Холодно! Несмотря на руны, тщательно начертанные на теле, все равно кровь стынет. Нужно добавить сердцу огня, как говаривают на Конрэнте, иначе к рассвету оно превратится в ледышку. То есть – сожрать что-нибудь, очертить по нетронутой царственной синеве снега защитный круг, выкопать себе лежбище и спать, полагаясь на силу рунных плетений. Костер развести все равно не из чего...

Первыми всегда замерзают ляжки. Как ни сворачивайся клубком, как ни подтягивай колени к подбородку, тело есть тело, со своими выступами и впадинами. И выступы мерзнут сильнее. Грэйн уж и так, и этак крутилась в своей снежной «норе», а ледяной язык мороза все равно пробирался и сквозь рунную магию, и под толстое сукно зимней шинели. Не помеха ему ни форма, ни уставные подштанники, ни неуставная вязаная фуфайка. Ступни тоже коченели, но ляжки – сильнее. Тут и последний глупец поймет, что спать нельзя, но веки ролфийки смыкались сами собой, и даже лязгающие зубы не меняли дело. Идти дальше без отдыха она не могла и – засыпала, уплывала в пушистую темноту, хотя знала же – нельзя спать, нельзя!

Жаркое дыхание обожгло щеку. Грэйи с трудом разлепила ресницы – смерзлись, что ли? – и сперва даже не поняла, что это – черное, размытое – сидит рядом с ней и громко дышит, вывалив алый язык.

«Проснись, Верная!»

– А... Алчущий? – она не сразу вспомнила имя пса, но вспомнив, поняла: воля Локки исполнена, цель достигнута, вот и пришел ее срок. – Ты за мной?

Пальцев она не чувствовала, иначе потянулась бы погладить жуткую тварь, скалившую на нее зубы из тьмы. Теперь уже все равно, теперь это навсегда. Надо привыкать сразу.

«Вставай! Пока не кончилась ночь, надо бежать, Верная!»

И подтолкнул женщину узкой призрачной мордой. Грэйи вздрогнула от прикосновения. Своим двуногим, человеческим телом вздрогнула, не волчьим. Значит, жива? Но где тогда холод, так донимавший ее, и боль – доказательство жизни?

Маар-Кейл, неведомо зачем отставший от своры, будто понял.

«Потом. Боль, расплата, слезы – потом. Сейчас – бег, только бег по снегу! Вперед, Верная!»

– Локка послала тебя? – выламывая окоченевшее тело из снежной норы, едва не ставшей гробницей, спросила Грэйи.

«Нет, – пес мотнул головой, словно человек. Впрочем, возможно, он им и был... когда-то, пока не примерил черную шкуру Маар-Кейл и не подарил свое имя ветру ролфийского посмертия. – Не Огненная. Сам. Беги со мной!»

Эрна Кэдвен дернулась было привязать свои лыжи, но замерла. Пушистое покрывало зимних болот даже не проминалось под ее ногами, будто не на снегу стояла она, а на мощном белом камне полу.

«Наша тропа. Снежная Тропа. Мать Волков стелет ее под лапы, чтоб не сбился бег Своры. Нет ее верней, Верная! Иди по моему следу! Я поведу».

Грэйи не спрашивала больше ни о чем. По дороге сюда она все-таки оставалась человеком, женщиной, а теперь... Снежная Тропа сама стелилась под заиндевелые ролфийские сапоги, но ей-то казалось – волчьи лапы топчут серебряную дорожку богов, не ноги. О чем говорить с Маар-Кейл? Для них есть только охота, только бег. Или – не только?

Пограничное селение – то самое, где эрна оставила сани целую вечность назад, – мигнуло дальним огоньком у кромки болот. Неожиданно, слишком быстро, чтобы поверить.

«Я все-таки заснула там, в сугробе, – подумала Грэйи. – Заснула и замерзла насмерть. Теперь холод добрался до сердца, и...»

«Это была славная охота. Славная ночь. Сладкие души. Возвращайся еще, Верная, сестра. Мы будем охотиться, бежать вместе, петь вместе. Возвращайся потом. Ты можешь. Ты – наша!»

Это была благодарность, поняла Грэйи, глядя туда, где исчез Маар-Кейл. Благодарность, признание... не богов, а этих непостижимых тварей. Не слуги Лун они, эта Вольная Стая, совсем не слуги. А кто?

Когда-то к ней приходил белый волк Оддэйна, давно, до рождения Сэйварда. Потом – перестал. Грэйи гнала догадки на этот счет, не хотела думать о возможностях... Неужто теперь волчье место займет пес? Потустороннее родство! Братец Удэйи тоже, бывало, смотрел так – с каким-то нездешним любопытством в прозрачных глазах. Только у бывшего тива они были зеленые, а у черного пса – алые. Вот и вся разница между Маар-Кейл и человеком.

«Он тоже станет таким, когда ступит на Тропу, – думала эрна, пробираясь по сугробам к поселку. – Пес Локки, мой брат».

Когда она наконец-то ввалилась в затхлое тепло постоянного двора, боль пришла. И тогда Грэйи все-таки поверила – она осталась жива.

Джойана Ияри

Когда схлынула первая волна животного ужаса и откатилась вторая – страха за жизнь сына, бывшая графиня не на шутку призадумалась. Рамман давно уже не младенец – он взрослый сильный мужчина, владетель, знающий, что ему делать в критическом случае, и маленькая шурианская женщина ничем ему помочь не может, а скорее всего лишь усугубит своим присутствием и без того незавидное положение. *Третьих* в Янамари за последние двадцать лет любить больше не стали, и не стоит еще раз напоминать народу, каких кровей у графа мать.

Бывшая столичная интриганка – леди Алэя в похожем случае постаралась бы спрятаться в норку поглубже и там пересидеть опасность. Невеста Священного Князя шмыгнула бы за спину Вилдайру, предоставив ему разбираться с обидчиками. А что делать Джойане Ияри – вот это вопрос. Янамари-Тай уже давным-давно не замок, за стенами которого можно укрыться от бунтовщиков и захватчиков. Да и сыщутся ли среди нынешних слуг желающие защищать шуриа от гнева народного? Вряд ли.

Джойана досадливо куснула себя за костяшки пальцев.

«Вот попалась, так попалась!» И эрны Кэдвен, как назло, рядом нет.

«Ну и куда же ты подевалась, Грэйн? Где тебя Маар-Кейл носят?» – безмолвно вопрошала до крайности обозленная шурианка.

Как, пес раздери, это по-ролфийски – не давать шагу ступить без спросу, когда кругом тишь да гладь, и растворяться в ночи без следа и предупреждения в час наибольшей опасности.

Но слишком долго клясть свою названную сестру за внезапное бегство Джоне не судилось. Быстро приближающийся стук подков по укатанной дороге, надсадный храп лошадей и резкая остановка кареты отвлекли женщину от невеселых раздумий.

– Эй! Сэйган! Что там такое?

А голосишко у шуриа, когда потребуется, выходит мерзкий – резкий, гнусавый, точно кошке на хвост наступили. Самое то, чтобы изображать капризную барыньку и добиваться желаемого.

Но бравый капрал не ответил. Тогда шуриа высунула голову из окошка, чтобы еще раз осведомиться о причинах задержки. И тут же спряталась обратно. Если ир-Сэйган принял пятерых вооруженных всадников за разбойников, то Джойана безошибочно опознала в них тивов. Было во всех диллайн, которые служили Предвечному, что-то неуловимо общее: хищный ненасытный блеск в глазах.

– Правь упряжку, куда скажу, – злобно зашипел один из преследователей.

– Еще чего! – возмутился ролфи.

Свой категорический отказ подчиниться каким-то проходимцам с большой дороги ир-Сэйган выразил крайне доходчиво – прицельной стрельбой.

«Все-таки у Вилдайра отличные солдаты», – отметила Джойана, когда в щелочку между шторами увидела, что нападавших стало трое.

– Н-но! Пошли, родимые! Держитесь, миледи!

От лихого удара кнутом лошади взвизгнули и с такой силой рванули вскачь, что Джона не удержалась и свалилась на пол кареты. Но это даже к лучшему вышло. Оставшиеся в живых тивы начали палить вслед, целясь то ли в возницу, то ли в лошадей. Несколько пуль просвистели над головой у шуриа, прошивая насквозь деревянные стенки. Одна, по всей видимости, угодила в отважного капрала, и он закричал от боли.

– Сэйган! Сэйган! Что с тобой? Держись! А!

Но держаться пришлось самой Джойане. Обезумевшие от стрельбы кони оборвали упряжь, карета перевернулась, и только нездешнее шурианское везение сберегло женщину в

целости. Кувыркком летела – коленки и локти в кровь, разорванная юбка на голове, но зато шею не сломала. Чудо, да и только!

– Сэйган!

Никто не отозвался. Совсем.

Нет, конечно, все люди смертны, но капрал-то был из породы «неуязвимых», из тех счастливых, кто и сам не верит в то, что с ним может беда приключиться, и которых смерть сама обходит стороной. Любому другому – сразу конец, а таким вот «сэйганам» хоть бы хны. Шуриа ли не видеть?!

– Кэйррон, отзовись немедленно! – взвизгнула Джойана возмущенно. – Сейчас я выберусь и трепку тебе задам, мерзавец!

И чихвостила телохранителя последними словами, пока выбиралась из полуразвалившегося экипажа. Так всегда надо делать, чтобы напугать смерть, чтобы возмущенный несправедливостью обвинений дух раненого задержался в теле.

– Ишь, развалился! А ну перестань прикидываться! Сейчас же!

Шуриа уже бежала к распластавшемуся на снегу ролфи. Шлепнулась рядом, заглянула в глаза, стала тормошить.

– Живи, ир-Сэйган... – бормотала Джона, пытаясь на ощупь определить, куда пришлось ранение. – Не смей подыхать, как собака, на дороге...

Рука ее окунулась во что-то липкое и теплое. Нога? Бедро!

– А крови-то натекло! Скажи что-нибудь! Ну же!

Визг и дерганье за воротник помогли: Кэйррон очнулся и сразу же сунул женщине в руку револьвер.

– Ми-ле-ди... Они уже близко...

Да плевать она хотела на всадников с ружьями, на этих непонятных и опасных тивов, когда тут такое несчастье. Они еще пожалеют, что связались с шуриа. Сволочи!

Джона выстрелила по преследователям, не целясь, а потому не попала.

– Леди Джойана, соблаговолите... Ох!

Пришлось прицелиться тщательнее. Пуля из револьвера Джойаны просвистела возле головы того самого диллайн, которого шуриа посчитала главным – высокого, оранжевоглазого, длинноносого.

– Берегите патроны... – прошептал ир-Сэйган белыми губами. – И спасайтесь...

– Прости, Кэйррон, но тебя я здесь не оставлю.

В том, что слетевшиеся, как стервятники, бывшие тивы, бросят раненого парня умирать, Джона даже не сомневалась.

– Мы не причиним вам зла! – крикнул издали главарь.

«А вот это уже другой разговор».

– Вы уже это сделали! Ранили моего человека. – На морозе шурианка пицала детским фальцетом. – Кто вы такие и что вам нужно?

– Если бы ваш охранник не начал стрелять...

– Если бы вы не выскочили из лесу, словно грабители, и не окружили нашу карету...

– Господин Сид хотел всего лишь поговорить, да и вам будет безопаснее под его защитой.

– Ах, вот как! – Джона аж задохнулась от возмущения. – Это ваш-ш-шесму доктору очень скоро потребуется моя защита!

Диллайн испуганно переглянулись.

– Почему?

– Сами узнаете, – отрезала шуриа. – Скоро ему небо с овчинку покажется. Допрыгался ваш докторишка.

Если бы каждое брошенное Джоной слово можно было выжать, как влажную тряпку, то по рукам бы яд стекал, столько злорадства в них содержалось.

– Но позвольте...

– Позвольте? Ах, это теперь называется «позвольте»? Теперь делайте, что хотите, но человека моего спасайте. Нечего на меня свиные очи таращить! У вас на лбу написано «тив».

Шуриа вошла во вкус. Даром, что ли, на Шанте скандал возведен в ранг искусства? И все двадцать лет Джойана Ияри развивала и совершенствовала унаследованный от предков дар превращать заурядную перебранку в смертельную битву. Впрочем, ее ролфийские предки, ежели судить по наклонностям Эйккена Янэмарэйна, тоже сдержанностью не отличались и любили злословить не хуже шуриа.

Именно его, Безумного Эйккена, интонации звучали в голосе Джоны, когда она взялась за обработку посланников доктора Сида.

– Недодали, недодушили вас! Свили гнездо прямо в сердце Янамари, всему народу на погибель! Развели мертвяков!

В первые годы после отделения Файриста, когда обозленный многовековым обманом народ взялся за наведение справедливости в отношении служителей Предвечного, тивов сотнями вешали на воротах догорающих молелен. Традиция такая потому что. И бежать в Синтаф тоже оказалось небезопасно. Многие беженцы попросту исчезали. Аластарова разведка докладывала, что Херевард приносит человеческие жертвы, но прямых доказательств, кроме слухов, не нашлось. Впрочем, изгнанникам хватило и слухов. Кто-то остался в Файристе, сменив имя и род деятельности, кто-то подался в Конфедерацию и еще куда подальше от Эсмонд-Круга. У Благословенного Святого руки длинные. И цепкие.

Оранжевоглазый хрипло каркнул, пытаясь прочистить горло. Его сотоварищи напряженно молчали, словно воды в рот набрали. И на его тревожный взгляд отвечали деланным равнодушием. Мол, ты у нас главный, тебе и волшебствовать, а мы тут ни при чем.

– Миледи, я не могу! Мне запрещено, – взмолился подручный доктора Сида после очередной попытки пропеть заклинание.

Дух его пребывал в полнейшем смятении. И хотелось, и кололось, и доктор Сид не велел.

– Умели стрелять, умеете кровь ему затворить! – рычала шурианка. – И тащите к своему хозяину побыстрее. Уж его-то я чаровать заставлю.

– Это опасно, миледи! Херевард...

– Херевард далеко, а северяне близко.

Слова, возымевшие над бывшими тивами прямо-таки магическое действие.

Грэйн

Селение, а может, и городок, притулившийся на кромке болот, так и звался – Подболотье. По-идберрански – Ерцази, но двадцатилетней давности война ролфи с Идбером внесла поправки и в язык, и в ланд-карты. Ерцази – разве такое способна выговорить ролфийская глотка? Подболотье – и весь сказ!

Этого милого местечка, впрочем, война и не коснулась. Делать здесь было совершенно нечего. Никому, кроме редких охотников, беглых каторжников и вездесущих контрабандистов. Именно с контрабанды и кормилось все Подболотье, и потому странные гости тут никому не были в диковинку. Например, такие, как выползшая из заснеженных болот обмороженная ролфийка с ледяными сосульками вместо волос, осипшая и страшная, как неупокоенный мертвец. Дело привычное – из великих приграничных топей и не такое вылезает. Есть многое на этом свете, что и в страшном сне не привидится высоколобым мудрецам. И пусть весь цивилизованный мир смеется над байками о топляцах, ходягах и Дикой Охоте, а в Ерцази известно абсолютно точно – бывает всякое.

Янамарский возчик дождался Грэйн, хоть и не по своей воле. Ушлые подболотцы попросту свели у него лошадей, пока парень заливал пережитый страх на местном постоялом дворе. Впрочем, пистолет и золото в ролфийских руках гораздо убедительней просто золота, а облапошить янамарца – это ж вообще святое дело! Так что после визита эрны Кэдвен к местному градоначальству лошадки нашлись. Эрна же, в свою очередь, сделала вид, будто поверила в ужасную историю о сорвавшихся с коновязи и заплутавших в окрестностях конях, которых ловили, оказывается, всем Подболотьем.

В итоге с мэром Грэйн договорилась полюбовно, а вынужденную задержку ей компенсировали роскошной баней. После таких приключений – дело совсем нелишнее. Разомлев в тепле, вымывшись до скрипа и надев поутру свежее белье и вычищенный мундир, эрна Кэдвен пришла в самое благостное расположение духа. Изволив по-ролфийски ласково пожурить возчика («Нажрался и проспал коней, пьянчуга? Ну-ну, гляди у меня!..») и очень плотно позавтракав, выехала она только около полудня. По еще не укатанной после давешнего бурана дороге сани скользили не слишком быстро, и Грэйн задремала, убаюканная однообразием и белизной пейзажа. За Джойану она не беспокоилась совершенно. Шурианка же в Янамари, в своем родовом кубле, занимается мирным женским делом – свадьбу сына готовит... Что с ней может случиться? Тем более Сэйган при ней!

...Первый же встреченный разъезд содрал с Грэйн это ленивое благодущие, как неумелый егерь – шкуру со свежей дичины, с мясом. Драгуны были идберранские, но в компании с ролфийским сержантом – «военным наблюдателем» из Экспедиционного корпуса. Пока старший над разъездом томительно долго проверял документы эрны Кэдвен, она разговорилась соотечественника.

– Что за переполох, сержант? Еще два... э-э... три дня назад все было тихо!

– Да в Файристе заварушка какая-то, ваша милость, – неохотно буркнул тот. – Сами толком ничего не знаем. Вроде бунт в Янамари, а может, провокация... Проезжайте!

– Когти Локки... – прошептала Грэйн, взявшись за голову. – Джойна!.. – и в сердцах пнула возчика: – Заснул, что ли, сволочь?! Гони!

Джона и Форхерд Сид

Если ты родился существом слабым и бесправным, если все законы человеческие против того, чтобы ты мог стать хозяином собственной судьбы, то проще всего научиться ловко манипулировать теми, кто действительно силен. А если тебе «повезло» появиться на свет женщиной, то сами богини, кажется, велели усердно и терпеливо обучаться хитрой науке безнаказанно вертеть мужчинами. Джона в этом смысле ничем от своих сестер по полу не отличалась. Все просто. В девичестве следует прикинуться слабеньким хрупким цветочком или ласковым котеночком, пусть мужчины решат, будто берут в дом невинного птенчика. И как только отзвучат свадебные здравицы, начинать изучать своего супруга и господина на предмет слабостей и недостатков. Сочетание легких пинков по самолюбию, потакания мелким порокам, тихого притворства и наглой лести дают непревзойденный результат. Джонина мать – Элишва, помнится, из Тунора Янамари не просто веревки вила, а настоящие кружева плела. Могушественный владетель мнил себя громовержцем и земли сотрясателем, а сам без шуриа не мог и шагу ступить. В свете считали, что шантийская дикарка околдовала графа какими-то шаманскими штучками. Мужчины, в основном, и верили в приворотные чары шуриа, но не женщины. Светские львицы только посмеивались, прикрывшись веерами. Сами точно такие же, даром что другой крови, а приемчики одинаковые.

А что же Джона? Она во все глаза смотрела на мать и старательно у нее училась. И, возможно, стала бы непревзойденным кукловодом, если бы скоропалительно не вышла замуж за Бранда Никэйна. Умный мужчина – это ведь редкость, а он был умный. И глядя на него, юная шуриа узнала, что есть множество иных способов получить желаемое. А иногда достаточно говорить правду и честно попросить. Можно сказать, Джойане «везло» на мужчин властных. Они, сами того, возможно, не желая, научили ее тому, что умели – требовать свое, брать по праву сильного, говорить на равных и не прикидываться слабаком. В мире мужчин слабый оставался ни с чем и подыхал с вырванным горлом, в их жестком мире никто никого не щадил и не делал поблажек.

Когда Джоне потребовалось заставить трех вооруженных мужчин делать то, что она хочет, она это сделала с пугающей легкостью. Изнеженная графинюшка уступила место властной суровой хозяйке острова Шанта. Одно только мрачное молчание, пока тивы колдовали над раной Сэйгана, чего стоило! Нет, Джона не кричала и не топала ногами, но каждое ее слово, произнесенное свистящим шепотом, выходило, словно удар плеткой по обнаженной спине. А как угрюмо она сопела! И какие многозначительные, исполненные недобрых предзнаменований фразы выдавала. Не у каждого оракула выйдет лучше.

«Люди, как и собаки, чувствуют силу, – говорил Бранд. – Грозным криком никого не напугаешь».

«Никто не должен сомневаться в том, что ты сдержишь обещание. А для этого ты сама обязана истово верить в свои слова, змейка», – твердил Аластар.

Вилдайр же целовал ее в тоненькую шейку и шептал на ушко: «Не прикидывайся глупышкой, не трать попусту время на игры. Я же знаю, кто ты такая».

И вот итог – Джойана Ияри приказала доставить раненого ир-Сэйгана к доктору Сиду, и те, кто собирався ее пленить, безропотно подчинились, учуяв ее силу, не сомневаясь и не колеблясь.

Диллайн, как известно, ходят почти бесшумно и просто обожают застигать врасплох неосторожных, забывших эту древнюю истину. А может, барышня Омид никаких истин, в силу юного возраста и девического легкомыслия, попросту не знала? Иначе не попыталась бы сбегать из поместья эсмонда-врачевателя, звонко цокая каблучками по скрипучим половицам.

Форхерд настиг беглянку в тот момент, когда невеста графа Янамари уже перекинула одну ногу через подоконник, намереваясь спрыгнуть в заснеженный сад.

– Вы куда-то спешите, моя дорогая? – невозмутимо осведомился диллайн. – На мой взгляд, для длительных прогулок вы еще недостаточно окрепли. Не говоря уж об этих акробатических упражнениях.

– О! – бледные щеки графской невесты пошли багровыми пятнами.

«Хм... Уж не проглядел ли я чахотку? – недоверчиво нахмурился эсмонд. – Да нет, нонсенс. Никаких внешних проявлений... или все-таки?»

– Кроме того, нынче не самое подходящее время для одиноких вояжей по окрестностям, – мягко продолжил он и, взяв девушку за локоть, водворил обратно в комнату. – В Дэй-нле беспокойно. Боюсь, что графству грозят волнения. Вернитесь в постель, дорогая. Довольно уже и того, что вы постояли на сквозняке...

Илуфэр сверкнула глазами.

– Беспорядки! О, да! Я так испугалась, сударь... В ваше отсутствие сюда приезжали какие-то люди и...

«Нервическое возбуждение, тремор... похоже, чахотка зовется леди Джойаной Ияри!»

Истопник уже доложил хозяину о внезапном визите будущей свекрови, не упустив и занимательных подробностей. Княгиня Шантийская выскочила вон так, будто ее Херевард в пятку клюнул, да еще и с криками о мертвецах! Надобно помнить, что шуриа видят духов. Возможно, леди Ияри нашла здесь парочку призраков, гуляющих в саду? От прежних владельцев иногда можно получить неожиданное «наследство»!

– Ну-ну, милая Илуфэр, – ласково увещевал доктор Сид, не выпуская, впрочем, локоть пациентки. – Право же, неужто вы настолько испугались визита матушки графа Никэйна?

Испугалась, да еще как! Шуриа покинула поместье едва ли час назад, а барышня Омид уже успела не только самостоятельно одеться, но и собрать в дорогу саквояж. Весьма скоро для дамы. Значит, готовилась? Или для прелестной Илуфэр такие побеги – дело привычное?

– Вы ее не знаете... – прошептала Илуфэр. – Эти шуриа... они...

– Предрассудки, моя милая, – Форхерд решительно пресек начинавшуюся истерику... не слишком-то натуральную, к слову. – Итэль! Милочка, будьте любезны подать лавандовой воды! А вы извольте-ка успокоиться, сударыня. С леди Ияри вы еще успеете сегодня пообщаться, и уверяю вас...

Девушка не дослушала. Рванувшись из рук диллайн с неожиданной для столь нежного создания силой, она метнулась к окну и одним прыжком взлетела на подоконник. Прежде чем опешивший доктор успел ее поймать, барышня Омид уже спрыгнула вниз, в глубокий снег, и, путаясь в подоле, припустила к «черной» калитке.

Шуриа еще не успела привыкнуть к тому, что ей по несколько раз на дню являются живые мертвецы. Поэтому, снова увидев девицу-северянку, Джойана последовала неумному примеру большинства своих сестер по полу, когда те обнаруживают мышь в гостиной – она истошно заверещала на всю округу. Был бы рядом стул, вскочила бы на него.

Но здравый рассудок быстро взял верх над инстинктами. Северянка – не мышь, а шуриа и не такие виды видала.

– А ну стой! Куда?! Держите ее! – вполне осмысленно прокричала Джона, мгновенно рассвирепев.

Если отбросить всю лирику с замужеством и влюбленностью Раммана, то остается голый и неприглядный факт – в самое сердце Джемима проник могильный червь. А вдруг девка, окрутившая бедного мальчика, шпионка?

Для болящей и недужной северянка передвигалась очень бодро. А также оказалась вооружена и опасна. Никто поначалу не понял, что блеснуло в руке девушки, а когда догадались,

стало поздно. Целила, понятное дело, в Джону, но попала в одного из подручных доктора Сида. В вертлявую тощую шуриа, попробуй, попади.

Миниатюрные пистолеты начали входить в моду еще в бытность Джойаны синтафской графиней. Не среди аристократок, нет. Те могли позволить себе живых телохранителей. Хотя, в качестве подарка, пистолетик с перламутровой инкрустацией на ручке считался шикарным аксессуаром, особенно в сочетании с песцовой муфточкой. Дамы же полусвета и проститутки пользовались смертоносными игрушками вовсю. Если пальнуть в упор и в живот, то шансов выжить у раненого практически нет.

Диллайн еще повезло, что северянка стреляла с трех шагов. Он, конечно, закричал от боли и грудь ему залила кровь, но что бездыханным не рухнул – уже хорошо.

Однако суматоха вышла знатная. Тут тебе уже и двое раненых, и разъяренные диллайн, и орущая благим матом шуриа. Суший кошмар среди бела дня! Чем не замедлила воспользоваться беглянка. Птицей легкокрылой взлетела в седло, не испугалась ни знаменитого «Ас-с-шшш!», ни перепуганной лошади, ни прицельной стрельбы в спину. Чего-чего, а решительности и хладнокровия девице было не занимать.

Улепетнула прямо из-под чуткого шурианского носа!

Джона от бессильной злости колотила себя кулаками по бедрам, но когда увидела доктора Сида, то... Пожалуй, этот звук можно было бы принять за смех, но более всего он напоминал кудахтанье. Смазливую физиономию тива Удаза Апэйна, ставшего ныне посвященным Удэйном и одной из рук самого лорда Конри, не забыть шуриа никогда, сколько ни суждено ей прожить под тремя лунами. Знакомое яблочко недалече упало от яблоньки-папеньки. Так вот от кого Удазу... прощения просим, Удэйну достались магические задатки.

– Ба! – только и смогла воскликнуть Джойана Ияри.

А когда следом за бегущим по дорожке эсмондом показалась дама-аннис Сар, Священная Невеста на время утратила дар речи. Только глазами лупала, что твоя сова-неясыть.

– Нашли, где свить гнездышко! В Янамари, у сына моего под боком.

Джоне казалось, что она сейчас взорвется от возмущения.

– Добрый день, сударыня, – окинув внимательным взором всю сцену, разыгравшуюся перед забором поместья, Форхерд Сид вздохнул. За беглянкой гнаться бесполезно, да и не нужно. К чему она теперь? Барышня Омид, кем бы она ни была, нужна была лишь как средство, чтобы добраться до шурианки и ее выводка. Граф Никэйн потерян – он в руках восставшей черни. Форхерд сам видел, будучи в Дэйнле, как орущая озверевшая толпа смела редкую цепь солдат, а какая-то растрепанная мегера с визгом вцепилась в графа... А шуриа – здесь. Способ не имеет значения, главное – леди Ияри теперь никуда не денется.

– Не соблаговолите ли чаю? – он радушно улыбнулся женщине самыми уголками губ.

Если шуриа ускользают, то диллайн невозмутимы до бесчувствия. Должно случиться что-то экстраординарное, чтобы дети Дилах позволили истинным чувствам прорваться сквозь маску спокойствия, которую они растят чуть ли не с младенчества. А в янтарном взгляде доктора Сида легко читалась убежденность, что ускользнуть Джойане не удастся. Не сегодня и не сейчас.

– Добрым я бы его не назвала и за приглашение благодарить не стану, – мрачно буркнула женщина. – Дорогие у вас чаепития, господин Сид.

Разум и все чувства кричали: «Вот ты и попалась!», и единственным слабым утешением Священной Невесте служило потрясенное выражение, застывшее на лице волшебницы-аннис.

– Вас, леди Итэль, я точно не ожидала увидеть здесь. Честно говоря, считала, что всех вас тив Херевард... – Джона чиркнула пальчиком по своей шее и воздела глаза горе. Получилось весьма изящно и красноречиво. – А вы, оказывается, нашли себе подходящее... дупло в делях Янамари.

Аннис молчала, словно проглотив язык.

– Ну, как угодно, – Форхерд и не сомневался, что невеликий умишко шурианки откажет ей, едва лишь запахнет опасностью. Все они таковы, что графини, что колдуньи. Сперва возмущенный визг и безграничная спесь, потом – жалобный скулеж. Вопрос лишь в эффективных способах добиться покорности. Методы Хереварда, примененные к аннис, были грубы и отвратительны, как он сам. Можно ведь сыграть и тоньше, если хоть немного постараться!

– Господа, проводите леди Ияри в дом и вернитесь к вашим обязанностям. Итэль, займитесь раненым, – он показал на раненого тива и добавил, будто только сейчас вспомнил: – И уберите отсюда ролфи. От него воняет псиной.

«Э, нет! Так мы не договаривались!»

Свет для Священной Невесты вдруг сошелся клином на безродном ролфийском парне. То ли кровь в голову ударила, то ли влияние Священного Жениха сказалось. Вилдайр бы своего солдата не бросил. Вот так запросто, при первой же угрозе – ни за что.

– Недалеко вы ушли от своего бога-душеда, сударь мой. А еще врачом назвались, – зашипела шуриа. – Ну-ка, немедленно займитесь моим телохранителем или разговора у нас не получится!

Форхерд снова вздохнул и снисходительно заметил:

– Для заложницы вы слишком болтливы, миледи, не находите?

Когда имеешь дело с женщиной на грани истерики, главное – не слова, а тон. Спокойный, уверенный, низкий и глубокий. Псы и лошади отлично понимают такое. Женщины, если и ушли от животных, то совсем недалеко. Покажи ей, кто хозяин, и она подчинится с радостным визгом. Разум здесь ни при чем, да полно – есть ли он вообще в этой маленькой головке?

– Слезайте с лошади и пройдите в дом, иначе мои люди доставят вас туда силой. И не размахивайте пистолетом. Сколько у вас патронов в барабане, четыре, пять? На всех не хватит, сударыня. Не упрямитесь. Присядем, выпьем чаю, и вы поведаете мне эти сказки о северянах, если угодно.

При определенной доле везения по-прежнему сидящая верхом Джойана могла бы попробовать сбежать-ускакать. Хотя бы попытаться. Но это снова-таки означало бросить ир-Сэйгана без защиты и помощи. А так нельзя, никак нельзя.

Продолжая ухмыляться, Джона выстрелила в воздух. Совершенно по-злодейски, как ей представлялось.

– Всяко, на вас, доктор Сид, у меня патронов хватит, – и нацелила оружие в грудь эсмонда.

Форхерд слегка улыбнулся, будто уговаривал капризного ребенка принять микстуру:

– Ну, валяйте, валяйте.

И на его наглой высокомерной морде было написано, что веры шуриа нет, а женщине – и быть не может. Пропищать угрозы – это одно, а привести их в исполнение – совсем другое. Не хватит у шурианки решимости выстрелить. Исключительно по слабости бабской и скудоумию. Наиграется револьвером и утихнет, если прикрикнуть хорошенько.

Но все же не укрылось от Джоны и желание Форхерда Сиду заполучить ее в заложницы, причем живой, здоровой и невредимой. И тут его понять можно, дохлые змеи – неходовой товар.

«Что ж, зайдем с другой стороны», – решила женщина и демонстративно направила ствол револьвера на себя. Не в лоб, а в грудь. В худшем случае результат будет один и тот же, но шурианскому чувству прекрасного претило изуродованное лицо и разбрызганные мозги.

Сдерживая тошноту, Джона молвила:

– Отлично. Значит, я лишу вас возможности воспользоваться ситуацией.

И видит Шиларджи, ее с души воротило от всей этой нарочитой мелодраматичности. «Ах, милорд, я сейчас выстрелю в себя! И мой хладный труп неммым укором... Тьфу, гадость! Актерка из погорелого балагана!» – кляла себя шуриа.

Кривляться, вообще, неприятно, а перед этим... ошипанным недобитком еще и омерзительно до обморока.

«Итэль, курочка моя, ты это видишь? – мысленно воззвал эсмонд. – И ты всерьез рассчитывала, что Эск бросит все ради вот этой... зверушки? Ну и дура же ты, Итэль!»

– Будь по-вашему, – успокаивающе повел он рукой: – Давайте сюда вашего песика. Хоть у меня и не скотолечебница, но посмотрим, что у песика с лапкой. А вы – идите в дом. В Дэйнле беспорядки. Чем дольше вы маячите перед воротами, тем больше шансов нажать неприятности... нам всем.

Окатывать презрением всех, кто чужой по крови – вот это они умеют, эти диллайн, прямо с рождения. И «песик» в устах Сиды вовсе не оскорбление. Ир-Сэйган для него именно песик, говорящее опасное животное, не дотягивающее до права называться человеком ни по каким статьям.

– Мои неприятности с вашими просто несравнимы, сударь, – заявила Джона и в знак доброй воли слезла с лошади. Уговор есть уговор. Раз ролфи утащили в дом, значит, будут лечить, а значит, ее требование выполнено.

Револьвер пришлось отдать, но стрельбы и смертей на сегодня на всех с лихвой хватило.

– Неужели? – Сид все-таки не удержался от ироничного замечания: – На моей памяти первыми на воротах всегда вешали шурий. Живей! Любопытно послушать, какие же у меня неприятности. В обмен расскажу о ваших.

– Фи! – шурия сморщила носик. – Не обольщайтесь, одной маленькой шурия на воротах этого курятника погромщикам покажется маловато. Так что меняю ваши неприятности на лечение моего Сэйгана. А о своих неприятностях я и так все знаю. Идемте.

В доме всю кипела работа. Просторный холл, будто созданный для того, чтобы на дубовом его паркете было удобно готовиться к бегству, показался вдруг тесным. Весь Круг аннис-изгнанниц споро собирал вещи, бывшие беглые тивы, пригревшиеся под крылом Форхерда под видом слуг, таскали кофры и баулы. Некогда могущественным магам теперь не привыкать было к спешным отъездам. Суеты и паники не было – не в первый же раз срывать из насиженного гнезда! Доктор Сид довольно кивнул сам себе. Прекрасно! Выдрессировал! Не хуже, чем недоброй памяти Алезандез Лойх, бывший его патрон. Если чему и стоило поучиться у толстяка-Ворона, сожранного Живоглотом, так это умению управляться с подчиненными. И с бабами – тоже. Жаль, на шурианских гадин это не действует. Впрочем... если рассудить здраво, шурия – и не женщина вовсе, а так... Зверек! Нечисть лесная, а не человек.

«А неплохо они тут устроились», – моментально оценила внутреннее убранство усадьбы Джойана. От предыдущих хозяев осталось мало мебели и драпировок, не говоря уж о всяческих мелочах, вроде любимых янамарцами высоких ваз с цветами и фруктами. Летом – со свежими, зимой – с искусственными. Диллайн пренебрегали этой милой сельской красотой в угоду строгому современному декору. А еще доктор Сид не брезговал за бесценно скупать у беженцев всякие дорогие безделушки – каминные часы, шкатулки, зеркала.

Бывший эсмонд раздавал указания подчиненным ему женщинам, но Джону из виду не упускал. А та, в свою очередь, пользовалась случаем, чтобы изучить состояние его духа. А ведь ничего не изменилось! Ничегошеньки! Чистокровные «совинные» сволочи до сих пор смотрят на шурия, как на зверушек. Хитрых, зачастую смертельно опасных и порой даже умных, но животных на двух ногах. Женщина же шурия – почти говорящая крыса. Точно такое же лицо, как ныне у доктора Сиды и его приспешников, появлялось у тива Удаза, когда ему приходилось обращаться на человеческом языке к леди Янамари. Ядреная смесь гадливости, презрения, высокомерия и снисходительности, будто он копался голыми руками в выгребной яме. Не зря Аластара Эска его соплеменники считали извращенцем, едва ли не скотоложцем.

«Любить шурианку, да еще и позволять ей рожать детей?! О, этот Эск недалеко ушел от дикого зверя! Страшный человек! Хуже, чем одержимый, он вообще не приемлет никаких общественных рамок», – болтают до сих пор в светских салонах Амалера.

Шуриа – недолуды, и к ним соответствующее отношение. Так было и на суде эсмондов во время Джониной трепетной юности, и при Бранде, и после его смерти тоже. С той лишь разницей, что саннивские кумушки шептались за спиной, не смея выразить свое презрение к *Третьей* в открытую. Лорд Никэйн обладал нравом крутым и мог жестоко отомстить обидчикам жены. И как выяснилось, Джойана оказалась его талантливейшей ученицей, особенно по части мести, шантажа и всяческого насилия по отношению к чрезмерно высокомерным и говорливым.

Но последние двадцать лет... Шуриа разомлела в безопасности. Вилдайр любит, Аластар не забывает, «Лалджета» полна дальними родичами, а ролфи и мысли не допускают, что Священная Невеста чем-то плоха, коль ее князь выбрал.

Джону так и подмывало крикнуть в лицо эсмонду: «Это я, я – бессмертна, я пребуду вечно с Джезимом, а тебя, совий ты сын, сожрет твой поганый божок! И ничего, ничего не останется от тебя, от сотен лет жизни твоей и памяти! И только ради того, чтобы другой выродок мог наколдовать какую-нибудь гадость!»

Можно разрушить земные горы и остановить полноводные реки, но горы человеческой глупости несокрушимы, а у реки людской жестокости слишком глубокое русло. И за каких-то двадцать лет не иссякнут ядовитому источнику дичайших предрассудков.

– Чтобы сразу стало понятно, сударыня. В Дэйнле восстала чернь. Ваш сын, равно как и городской совет, в руках обнаглевших оборванцев. Полагаю, они уже начали вешать. Думаю также, что не обошлось без Хереварда. Мелькнула там в городе парочка знакомых рыл. Мы не намерены дожидаться вторжения и покинем этот дом немедленно... – он брезгливо покосился на женщину и ее телохранителя. – Немедля, как уладим все дела. Вы отправитесь с нами.

Валиться в обморок Джона не стала. Ее первенец – взрослый мужчина, он почти четверть века делал для Янамари все, что только можно сделать в столь сложные времена. Это понимает даже чернь. Вешать графа никто не станет, а Хереварду, тому вообще не с руки убивать Раммана. А вот с ней, со Священной Невестой, у Благословенного Святого имеются серьезные счета. Глава Эсмонд-Круга и прежде шурианку на дух не переносил, а теперь-то и вовсе ненавидит всеми фибрами.

А значит... значит, предложением Сида надо воспользоваться. Раз уж она осталась в одиночестве и без защиты. В конце концов считается, что враг моего врага – практически друг.

– Что ж, вам стоит поторопиться с отъездом. Скоро сюда явятся погромщики. И вовсе не для того, чтобы вешать меня на воротах, – ухмылка у Джойаны вышла кривой, как у разбитой параличом. – Убедена, вы не разглядели в вашей беглой пациентке северянку. Оправдаться будет сложно.

Шуриа готова была спорить на собственную косу, что хитрый эсмонд самолично придумал этот финт с тяжелой болезнью, даже не удосужившись вызнать подлинную причину нежелания Илуфэр встречаться с будущей свекровью. Диллайн, они такие, плевать они хотели на чужие мотивы, если цели совпадают.

На языке вертелось злорадное: «Как оно – высиживать стухшее яйцо?»

Тив Форхерд на нее и не глянул. Северянка! Ба! Это такая нелепость, что даже смеяться не хочется над убогой... да и некогда слушать сказки. Зато аннис разом отвлеклись от работы, засверкали встревоженно глазами, застыли...

– Женщины, пошевеливайтесь! – Сиду пришлось прикрикнуть на развесивших уши баб... о, даже Итэль, и та... – Итэль! Я просил заняться ранеными.

И мужчины не лучше! Заслышав про северянку, один из младших магов даже выронил тючок из ослабевших рук.

– Господа, запрягайте. Экипажи должны быть готовы через десять минут, – Форхерд вернулся к реальности свое зачарованное «воинство» и угрюмо насупился, повернувшись к шуриа: – Северянка? Неужто? – «А буку под кроватью ты не видала, зверушка безмозглая?» – Уверю вас, у барышни Омид не нашлось никаких внешних признаков... хе-хе... северянства.

Форхерд Сид в северян не верил. Ему хватало гораздо более реальных и близких страхов: Херевард и его присные, стремительно звереющий от власти Эск, Вилдайр и его псарня, а теперь еще и бунтующая чернь... и шуриа! Северяне, ха! Удобная универсальная байка, оправдывающая все. Идеальный внешний враг. Мечта политика.

– Внешние признаки?! – Джона расхохоталась. – Так вы, оказывается, тоже считаете их сказочным вымыслом? Вилдайровыми байками? Прямо как тив Херевард! Удивительная близорукость.

Ну, разумеется! Кто же в здравом уме станет верить проклятому Волку Архипелага или, скажем, мятежнику Эску? Выдумывают всяких северян, чтобы смущать умы и сеять панику. Так они приучены рассуждать, прячась за твердокаменные догмы веками.

О, Дилах, воистину, твои дети прокляты почище всех шуриа, вместе взятых, прокляты слепотой и недоверием.

Сначала Джона вспыхнула, но потом быстро успокоилась. А может быть, оно и к лучшему? Пусть не принимает шуриа всерьез, пусть.

– Я полагаю, – брезгливо поджал губы доктор, – что барышня Омид – шпионка Оро, посланная убить либо вас, либо князя Идгарда. С меньшей вероятностью – Эска. А вы, явившись сюда без приглашения, ее спугнули. С чем вас, сударыня, и поздравляю. Так вы выпьете чаю на дорогу или нет?

– Давайте заменим чаепитие на небольшой осмотр моего раненого телохранителя? Я сыта.

Марать руки в песьей крови Форхерду совершенно не улыбалось. Для такой грязной работы всегда есть аннис. За двадцать-то лет даже обезьяну можно научить ассистировать при операции и менять повязки! Тратить же с таким трудом накопленную магию... Сид сморщил нос, но все-таки повелительно махнул женщинам, дескать, займитесь. Безмолвные и мрачные, они собрались в круг над раненым ролфи и соединили руки.

Опальный эсмонд ухмыльнулся. Это ведь его заслуга... ну, положим, его и отчасти Итэль – научиться обходиться без песнопений и заклинаний, без всей этой внешней атрибутики. Сила и воля, ничего больше. Сила, по крупницам собранная за эти годы. Крошки, не донесенные до пасти Предвечного. Осторожность, скрытность и скромность. По сравнению с мощью Хереварда – смешно, но все же... Говорят, курочка клюет по зернышку, и сыта бывает. Аннис же – воистину куры, и предложенная ими метода вполне им подходит...

Размышления Форхерда прервал один из дозорных тивов.

– Доктор, – доложил он, показавшись в дверях, – на дороге показались люди из города. Многие вооружены.

– Уходим! – скомандовал Сид и остро глянул на шурианку и ее пса: – Не советую вам отставать, леди Джойана. Ты, пес! Идти ты сможешь, но если вздумаешь дурить – прострелю брюхо и оставлю в канаве, где тебе самое место. Вперед.

Майрра Бино, вдова

Часам к четырем пополудни Дэйл уже полностью контролировали повстанцы. На сторону бунтовщиков перешла большая часть гарнизона. Белый как простыня и непрерывно икающий помощник начальника полиции собственноручно отпер ворота арсенала. Почтамт взяли еще раньше, на все дороги, ведущие из города, разослали патрули. Майрра ждала погромов, буйства, необузданного грабежа и, чего уж скрывать, насилия и убийств. Но народная стихия как-то очень быстро вошла в четко организованное русло. Вожди прямо на ступенях ратуши, еще залитых кровью солдат (вот уж кого не пощадили), образовали Комитет Общественного Благоденствия, о чем и объявили собравшимся. Горожане ответили восторженным ревом. Здесь же, при входе, появились писари, и к ним мгновенно выстроились очереди мужчин, желающих записаться в отряды Гражданской гвардии. Женщины и подростки подбадривали их криками и улюлюканьем. Впечатление было такое, будто весь город собрался на карнавал.

Майрра нашла себе спокойное местечко на бортике отключенного фонтана, развернула узелок и принялась жевать. Хлеб и козий сыр, и пара глотков молока из старой кожаной фляжки. Набат смолк, трупы утащили. Если бы не сорванный с древка, затоптанный бело-алый флаг, можно было счесть бунт дурным сном.

Женщина еще не успела губ после молока обтереть, как по лепнине на фронте ратуши уже полез какой-то парень. Балансируя на шаткой стремянке, он воткнул в гнездо флагштока новое знамя, прежде невиданной расцветки. Черно-желтое полотнище развернулось и тяжело обвисло – денек выдался безветренный. Знамеукрепитель, едва не сверзившись с лестницы, сорвал с головы потрепанную шляпу с черно-желтой кокардой и радостно ею замахал. Площадь отозвалась нестройным, но воодушевленным «ура!» Майрра, подумав, тоже тихонько крикнула: «Эге-ей!» хотя, если уж рассудить здраво, кричать надо было «Ой-ой-ой». Новый флаг – это уже не просто волнения, это мятеж и переворот. Из распахнутых дверей ратуши вышли господа из комитета. Барон Шэби тащил целую корзину черно-желтых ленточек. Но говорить с народом стал не важный виноторговец, а какой-то тощий, невзрачный человечиска в потертом сюртуке с большим бантом на лацкане. Натурально, черно-желтым.

«Видать, заранее настригли, – оценила количество ленточек вдова Бино. – Готовились, значит».

Предусмотрительность господ из комитета вызывала невольное уважение. Молодцы! Чтобы, значит, сразу отличать своих от чужих, прицепить кокарду или, скажем, бантик – навряд ли как бирку козе на шею.

Человечек развернул лист, исчерканный с обеих сторон, прочистил горло и принялся читать:

– Граждане! Братья и сестры! В это суровое время, когда мы, оставленные без божественного участия, изнемогаем под непосильным гнетом несправедных поборов...

Майрра подперла щеку кулаком и утерла краем косынки набежавшую слезу. Душевно как излагает! Прямо за сердце берет! Все так и есть: и налоги непосильные, и божественной благодати нет как нет, и набор этот рекрутский! Чтоб ему захлебнуться кровушкой народной, этому Эску!

– ... сомкнем же ряды и гордо отчеканим наше решительное: «Нет!»

А голосина-то, голосина! И не скажешь, что в этакое ледащем, прости, Мать Меллинтан, шибздике, может быть такой бацище! Густой, гулкий, что у твоего возглашателя!

– ... вражьи клыки и когти готовы вновь терзать нашу несчастную многострадальную землю! К оружию, граждане! Не дадим произволу Эска погубить последнее, что у нас осталось! Повернем штыки против душителя народной воли! Не допустим, чтобы в сердце нашего прекрасного Янамари заползли продажные гадуки предательства! Дадим отпор хищникам, гото-

вым растерзать на части нашу землю, нашу, граждане, свободную страну! Да! Мы достойны свободы и равенства! Мы были никем! Вместе мы станем – всем! Под знамя! Под новое знамя нашей свободной и прекрасной страны!

– Благородный господин! – подхваченная мгновенным порывом, Майрра вскочила, отряхнула крошки с подола и вспрыгнула на бортик: – Сударь!

– Зови меня «гражданин председатель», свободная женщина! – милостиво простер к ней руку оратор. – Отныне и навсегда – никаких господ! Все мы – равные и свободные граждане Янамари!

– Воля ваша, гражданин... – вдова не смутилась. – Майрра Бино я, вдова.

– Говори, гражданка Бино!

– А... я спросить хочу – а значечко новое, что ж сие значит-то?

– Знамя свободной земли Янамари, – охотно пустился в объяснения председатель, – суть символ нашей воли и устремлений. Черная полоса – это наша щедрая истерзанная земля. А полоса золотая – это, гражданка, золото наших хлебов и солнце свободы, что воссияет над нами, разогнав мрак угнетения! Возьми! – по знаку оратора отиравшийся у самых ступенек парнишка – из тех, фабричных – выхватил из корзины ленточку. – Носи этот знак как символ свободы и свидетельство о том, что ты верная дочь Янамари! Да здравствует республика!

– Ура-а! – гулко откликнулась площадь, качнувшись к ратуше. Ленточек хотелось всем.

Майрра подбоченилась, гордо оглядывая море голов внизу. По всему выходило, что нынче она – героиня дня!

– Тетка! – кто-то снизу дернул ее за подол. – Слышь, тетка Бино! Да вниз-то глянь же!

– Чего?

Фабричный парень, слегка помятый в толпе, протиснулся к ней, сжимая в кулаке обещанную ленту.

– Давай, слезай! Гражданин председатель тебя до своей милости просят! И эта... ленточку прицепи... Уйди, паскуда! – Шамис отпихнул локтем какого-то прыткого охотника до знаков революционного отличия. – Не про твою харю честь! Давай за мной, тетка Бино.

– Ой... да куда ж это?

– В ратушу. Господин председатель велели из народа выбрать, значицца, делегатов.

– Бить, что ли, будут? – гражданка Бино обеими руками сцапала ленту и спешно принялась прикалывать ее к корсажу.

– Да ну тебя, дурная баба! – парень оскалился во весь рот. Зубы ему, к слову, кто-то уже успел пересчитать. – Сказано же – де-ле-га-тов! Заседать будем! В комитете, слышь-ка, общественного благоденствия. Во как!

Херевард Оро

Утром мороз крепче всего, а выстуженный воздух при каждом вдохе прямо-таки звенит и пьянит не хуже вина. Вино... Да, вино – это прекрасно.

Благословенный Святой пониже натянул на уши шапку и торопливо спрятал руки в бобровую муфту. И взгляд его с нескрываемой тоской скользнул по далеким холмам за рекой.

А вот вина Янамарского нового урожая 329 года от Великого Раздора вряд ли кто испробует. Померзнут самые старые виноградники, погибнет знаменитая Золотая Лоза, как пить дать. Жаль. Однако же, снявши голову, по волосам плакать не следует. Не до виноделия станет янамарцам очень скоро.

Этот мороз оказался настолько кстати, что Херевард всерьез подумывал о том, чтобы объявить погодную аномалию – благоволением Предвечного и его же чудом. Все вообще складывалось почти идеально: Аластар Эск очень «вовремя» решил подоить Янамари, Идгард отбыл в войска и в данный момент как раз находился в прेमиллом городишке Керуш, от которого до Дэйнла, где не без помощи синтафских подстрекателей начались народные волнения, рукой подать. А тут еще и морозы сковали Наму льдом. Все, абсолютно все к пользе задуманного Херевардом.

Агенты, правда, доносили о серьезном обострении отношений между князем Файриста и его наследником, но это ничего не значит. Аластар даже в безумном ослеплении Властью понимает лучше всех – без Идгарда он обречен.

Эсмонд с наслаждением пнул сугроб сапогом. До чего же приятно знать, что твоему врагу несладко приходится. Одержимость взяла верх над мятежным князем, а что это такое, Херевард знал лучше всех.

Когда по жилам течет не кровь, а горький яд, когда все мысли и все сны только об одном, когда не можешь ни есть, ни пить, и голоса близких доносятся издалека, словно через несколько слоев войлока – вот что такое одержимость-жажда. Все понимаешь, все осознаешь – и что безумен, и что опасен для окружающих, и что ненавистен им же, а ничего нельзя поделать.

Аластар Эск – умный, он – опытный борец с самим собой, его контролю учили с рождения. Он все правильно рассчитал – вовремя усладил сына с глаз долой, чтобы тот не искушал и не спровоцировал. Говорят, теперь сутками не выходит из кабинета, с головой ушел в работу и спит только с помощью особого снотворного. Рецепт его хитрые эски уже тысячу лет хранят пуще родовых сокровищ. Арайнов рецептик, его рук дело. Чтобы, значит, ни один эсмонд не смог пробраться в видения спящего эска без спросу. Херевард пробовал – тщетно, Мэриот тоже ни с чем остался. Да что там тивы, даже бабам-аннис ничего не обломилось!

И если не вышибить эска из равновесия, то он еще триста лет сумеет протянуть, а то и больше.

«Предвечный, ты просто обязан мне помочь. Давай, поднатужься. Мне нужно немножко удачи», – мурлыкал себе под нос Херевард.

Конечно, Предвечный его не слышал, но за последние годы сам Благословенный Святой настолько преисполнился магией, данной ему богом, что иногда чувствовал в себе силы и возможности дергать за нити Бытия.

Ну, вот же они – заледеневшие на морозе, подрагивающие от напряжения, тонкие... От легкого касания они сдирают кожу, но боли не чувствуешь совсем. Она придет потом, во сне, как тать, как подлая болезнь. А пока – сплошное наслаждение собственным могуществом, почти блаженство.

«Вера – это сила! Я – верю! Верю!»

Синее высокое небо крошилось, гудела земля, а снег обжигал сквозь подошву сапога. И тогда, помедлив лишь мгновение, Херевард сделал шаг в ослепительный Свет, изнемогая от несказанного счастья.

«Пусть они триста раз правы, эти файристьянские богохульники, когда говорят, будто Предвечный – машина. Даже если так, тогда он – Машина Счастья. Пусть...» – успел подумать глава Эсмонд-Круга, прежде чем время для него остановилось.

– Кхм-кхм... Благословенный, прошу прощения, это срочное.

Офицер видел, что тив Херевард застыл в молитвенном трансе, но все равно осмелился прервать общение с богом. Значит, дело срочно.

– Что там?

Чудилось, будто звуки медленно-медленно стекают с губ. Как свежая патока – золотистая, пахучая, сладкая.

– Нашему патрулю сдалась юная барышня – беглянка с той стороны. Требуется аудиенции. Личной.

– Что за чу-у-ушь? – Патока выпаривалась, густела, превращалась в твердый ком, от которого откалывались куски слов: – Кто? Что нужно? Где она?

Офицер побледнел и отступил на шаг.

– Назвалась Илуфэр Омид.

«Спасибо, Предвечный!»

– Зовите ее сюда. Немедленно.

Снег аппетитно хрустел под ногами, призывая эсмонда испробовать свежесваренной каффы и еще горячих вафель с медом. После единения с божеством хотелось есть сладкое и пить горячее. Но с Илуфэр лучше поговорить наедине, без лишних ушей.

«А у Раммана Никэйна губа-то не дура», – оценил Херевард экстерьер беглой невесты.

Ему самому такие не нравились. Чересчур полукровка, слишком сероглаза и темноволося, но если отвлечься от канонов, то, несомненно, привлекательна для мужского глаза. И грудь красивая, что немаловажно.

Херевард жил слишком давно, чтобы углубляться в нюансы, вроде оттенка кожи или там линий изгиба шеи. Сколько он всякого-разного навидался. Главное – грудь, а при более близком знакомстве – задница. Остальные детали – малозначительны.

– Рад встрече, сударыня, – радушно приветствовал девушку эсмонд. – Давно хотел познакомиться с избранницей лорда Никэйна.

В ответ девица церемонно поклонилась и молвила со странным придыханием, похожим на всхлип.

– Возможно, вы не поверите, Благословенный, но я с детства мечтала об этом. И не смела надеяться.

Она и в самом деле глядела на Хереварда во все глаза, как на чудо. До предела расширенные зрачки и частое дыхание выдавали немалое душевное волнение девушки.

– Я польщен. Но что же привело вас ко мне, кроме детской мечты, дитя мое? Вы ведь бежали из Янамари, если я не ошибаюсь. Уж не из-под венца ли?

– Нет, я бы никогда... никогда не покинула моего возлюбленного... жениха. Но... – Илуфэр почти задыхалась, как после долгого бега. – Но обстоятельства таковы, что только... только в вашей воле и власти спасти Раммана!

– Вот как?! – Эсмонд вопросительно изогнул бровь. – А я-то думал, что мы с графом Янамари – враги. Хотя бы просто потому, что его мать – любовница мятежника Эска. Ваш жених, насколько мне известно, преданнейший из сыновей.

– Но это вовсе не значит, что его не нужно спасать и от восставших горожан, и от родной матери! – запальчиво молвила девушка.

– Предлагаете сделать это мне?

Нет, право же, эта красotka тиву Хереварду нравилась. Экая она отчаянная! И не побоялась же.

– Кстати, а как вы пересекли границу, сударыня?

– По льду реки.

А вот это было приятная и полезная новость.

– Так вы говорите, что в Дэйнле беспорядки? И лорд Янамари захвачен? А что же с его матушкой? Она тоже пленена?

И когда юная дама поведала о недавних приключениях, тиву Хереварду пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не показать собеседнице радости.

«Ах, вот вы где спрятались, мои дорогие соратники!» – ликовал он.

Накрыть разом все теплое гнездышко он даже не надеялся. Форхерд Сид недаром один из первых учеников тива Алезандеза, его на мякине раньше было не провести. Пока с бабами не связался!

Давно, очень давно Херевард Оро был лишен простой человеческой радости – ликовать. Не было повода вот уже двадцать лет. Но теперь-то...

Чтобы скрыть дрожь, он деловито потер ладони.

– Я, право же, не знаю, как мне вас вознаградить, сударыня, ибо признательность моя безмерна.

– Спасите Раммана, – прошептала Илуфэр и посмотрела так, как умеют только очень юные девушки, пока верят, будто огромные и полные слез глазищи могут повлиять на решение мужчины.

– Договорились.

Благословенный Святой тив, если что-то обещал, то делал. Особенно, когда мольбы просителя совпадали с его планами.

«Рамман нам самим пригодится живым и невредимым. Мамочка все равно уползет на Шанту, к мамочкиному любовнику он относится без пиетета, а вот брата-наследника любит, и тот не оставит старшенького без помощи. Как все-таки все удачно складывается на этот раз. Просто идеально».

Херевард сыто сощурил золотые очи и повел плечами, словно распусая невидимые перья. И ему уже пахло снегом и свежей кровью, хотя ветер был восточным – ледяным и колким. К вечеру подтянутся основные синтафские силы, а завтра они перейдут Наму по льду и... повернут время вспять.

Скажете, так не бывает, милостивые государи? Бывает, еще как бывает. Что такое четверть века против тысячи лет – это песчинка против горы, стрекоза против ястреба. И когда все получится, когда мятежник падет... Кто знает, может быть, дух Аластара Эска станет той последней, самой желанной каплей, которая превратит неживое в живое, которая сдвинет великое дело всей жизни с мертвой точки? Кто знает?

Эта отчаянная девчушка... Она, того не желая и не подозревая, заставила Хереварда Оро признаться в том, что гнал от себя последние пятьсот лет. Веками топтался перед приоткрытой дверью, не смея, не позволяя, не допуская мысли... Вот кто он после этого?

Глава Эсмонд-Круга поторопился отправить невесту-перебежницу под присмотр своих ординарца и секретаря. Не терпелось ему остаться наедине со своим решением. Как смертельно влюбленный жаждет соединения с единственной. До боли, до судорог.

Он подставил пылающее лицо ветру, дождался, пока уймется сердцебиение, и сказал утреннему румяному солнцу:

– Я не стану Предвечным, но он станет мной, а я – богом.

Чувствуя и понимая – так будет.

Майрра Бино, вдова

К полудню следующего дня после столь эффектного провозглашения республики повстанческий угар начал стихать. Еще ночью на улицах Дэйбла появились вооруженные патрули с черно-желтыми повязками на рукавах (чтоб не путали с наймитами кровавого режима). «Наша свобода должна надежно охраняться, – сказал гражданин председатель. – Мародеры и погромщики – отрывка гнусного режима Эска. Им не место в сияющем будущем нашего народа! На фонари!» Мера нелишняя в момент общественных потрясений, что и говорить. Никто из господ... то есть, конечно же, граждан революционеров не собирался позволять всякой гольтыбе бить стекла, лакать дармовое вино и громить лавки. Нет уж, право собственности – суть священное и неотъемлемое достояние человека и гражданина. Хочешь жрать – бери винтовку и шагом марш в гражданскую гвардию. А ежели баба – то с мотыгой на рытье укреплений. Кормежка два раза в день.

Майрра, с головой, гудящей, что твой котел, и распухшей от речей, которых женщина наслушалась в Комитете, понимала со всей крестьянской прозорливостью только одно – будут вешать. Эск придет – и начнется. А коли князь замешкается, так Благословенный Святой Тив Херевард уже тут как тут, за Намой...

«Девку прятать, куда ж спрятать девку?! – лихорадочно соображала Майрра. – Да и мамашу не помилуют, не поглядят, что слепая... Что ж делать-то? Куда ж их деть-то?»

Комитет намеревался вступить с тивом Херевардом в переговоры и требовать признания янамарской независимости и от Эска, и от Синтафа. Переговоры – дело хорошее, поговорить господу завсегда любят. Только кроме как говорильней, от Хереварда с Эском Дэйблу отбиться нечем. Разве что повязанного графа Никэйна выставить перед баррикадами на манер живого щита. Так ведь еще змеиным хвостом по воде чиркнуто, поможет ли! Князь Эск этих графьев за последние два десятка лет и сам перевешал порядочно, чуть ли не по графу в год. Была б родная кровиночка, тогда еще куда ни шло! И что той шурии было сразу перед Эском юбку не задрать? Небось, при князьем-то пашенке и жилось бы в Янамари полегче!

Тиву Хереварду голова графа Раммана тоже без надобности. Своим аристократам Благословенный Святой тоже лихо головенки поотчиал – говорят, по Санниве кровь ручьями текла, под ногами хлюпало... Нет, в переговорах что с Эском, что с Херевардом от графа Раммана толку не будет. Вот если б саму шурию изловить, Эскову любовницу!

Так рассуждала не только Майрра, но и прочие члены комитета. Только они, в отличие от женщины, высказались вслух. На поиски бывшей графини, подстилки ролфячьей, выслали целых два отряда гражданской гвардии. Оба вернулись ни с чем. Улизнула змеица из Янамари-Тай, только ее и видели!

Пока республиканское собрание скребло в затылках и пыхтело, вдове Бино нашлось дело как раз ей по силам и по чину. По правде-то сказать, Майрра не сразу в толк взяла, зачем она вообще в том комитете понадобилась. Хорошо, фабричный парень разъяснил. Дескать, будешь ты теперь, тетка Бино, символом свободолюбивого духа угнетенной янамарской женщины. «Точно повесят», – похвалила сама себя за сообразительность вдова. С символами обычно церемонятся еще меньше, чем со слепыми бабами и малолетними девчонками. Однако же покуда не повесили...

Быть при власти – значит, иметь возможность удовлетворять потребности. А потребность у Майрры Бино осталась только одна – вывезти мамашу и внучку в безопасное место. Лучше – за границу. В Идбер. Благо, до него рукой подать, дня два на перекладных. Пока война не грянула, почтовые станции еще работают. Можно успеть. Нужно! Были бы деньги и бумаги. Значит, нужно оказать господам... то есть гражданам комитетчикам услуги. Женщина уж готова была и полы мыть, и, чего уж там, ублажить, ежели припрет, но все оказалось

проще – и опасней. Ей поручили обиходить пленного. Чуюли новые хозяева Дэйнла запашок пеньки и перекладины, не хотели лишний раз перед графом Никэйном рожам светить. Их можно понять. Республика и независимость – дело хорошее, а ну как обратно все повернется? А Майрре терять было уже нечего. Не о козах же жалеть теперь?

Вдова Бино умела быть настырной. Гражданин председатель лично выписал ей целых две бумаги: одну для республиканского патруля у ворот Дэйнла, другую, с графской печатью – для проклятых наймитов Кровавого Сыча. И даже денег отсыпал, правда, сплошь ассигнатами, зажал казенное серебришко. Оставалось лишь позаботиться о провожатом. И таковой сыскался! Бойкий парнишка, тоже из фабричных, хлопотал за однорукого деда-отставника, также вывезти его хотел. Трезво рассудив, что хоть с увечным мужиком, но всяко лучше, чем без мужика вовсе, Майрра подсуетилась и свела калеку со своим бабьим семейством. Отправила в тот же день, помахала вслед и вернулась в ратушу – отрабатывать.

Рамман Никэйн граф Янамарский

Любовь народная, если таковая имеет место быть, обычно выражается в том, что владельца не вешают на фонарном столбе, а, почти не избив, препровождают в узилище едва ли не под руки. Дабы многоуважаемый господин граф не споткнулся и лоб не расшиб. Имея в матерях шуриа-Проклятую, Рамман никогда не обольщался добросердечием янамарцев. А под рукой Аластара Эска его власть была таким же неустойчивым явлением, как облачко в полуденном небе. Сегодня ты – владелец, а завтра – предатель и заговорщик. К своим привилегиям Рамман относился с изрядной долей иронии. А может быть, до конца не верил в то, что дэйнлцы решатся на открытое неповиновение, фактически на бунт.

Его закрыли в темной кладовке, где поломойки хранили швабры и ведра. И судя по звукам с той стороны двери, графа караулил целый взвод добровольцев. Пахло мокрыми половыми тряпками и мылом, и чтобы не добавить себе новых синяков, Рамман присел на перевернутое кверху дном ведро. Заплывший глаз да пара царапин на подбородке – тот малый вклад, который он внес в дело торжества свободы над тиранией. Пустяки, в общем-то.

Делать в кладовке было ровным счетом нечего. И если бы сыскалось здесь достаточно места, чтобы прилечь, то Рамман предался бы главному развлечению всех узников – завалился бы спать.

А еще неплохо бы помолиться. Так, кажется, принято делать, когда наступает критический миг всей жизни и когда потеряна последняя надежда что-то исправить.

Только вот кому молиться? Не Предвечному, разумеется. И не богиням-лунам, которые, возможно, слышат, но молчат. И уж тем более не духам, им вообще не молятся. Впрочем... У Янамари тоже ведь есть свой дух. По весне, едва стаивал снег, или уже совсем поздней осенью они с Джоной ходили вдвоем в холмы. Он тогда совсем маленький был, но помнил, как мать нашептывала что-то ласковое, мурлычущее, журчащее. И чудилось, будто отвечают ей и голая лоза, и ветки деревьев, и даже стылый ветер касается щеки нежнее обычного. И сны потом снились удивительные. Джона только грустно улыбалась, когда Рамман рассказывал о своих приключениях в стране снов. Он – слеп и глух, как все полукровки. Но оказалось, что еще и бесхозен в божественном смысле.

И все-таки дух Янамари, дух этой земли, он – вездесущ, а значит, услышит.

– Прости меня, дух, – робко прошептал узник и, не сдержавшись, хихикнул, представив, как он выглядит сейчас со стороны. В темной кладовой сидит мужчина на ведре и говорит с духами, которых не видит и не слышит. Его тюремщики, коль вздумают подслушать, решат, что граф со страху рехнулся.

– Когда сюда придет армия Аластара подавлять бунт – вот это будет ужас. А если еще и Херевард вторгнется, то все эти люди жестоко пожалеют о содеянном. Тебе-то, Янамари, нет никакой разницы, чья кровь впитается в почву, но мне – не все равно. Я люблю эту землю.

Признался, и как-то сразу полегчало на душе. А еще Рамману показалось, в кладовке стало совсем темно и прохладно. Тени сгустились, в лицо неведомо откуда дыхнуло грибной сыростью, мокрой землей и листьями.

– Ты меня слышишь... Спасибо... – Янамарский владелец почувствовал себя польщенным. – Ума не приложу, чем ты можешь мне помочь, да я и не прошу ничего. Просто знай – я старался не допустить кровопролития, умиротворял Аластара как мог, я не хотел, чтобы наш край... ты... Янамари обезлюдел... людело. До процветания нам, конечно, далеко, но не все так уж плохо... было.

Чужая душа, как известно, непроглядная тьма, но не для духов же? Так пусть заглянут в самую суть Раммана Никэйна графа Янамари. Ему нечего скрывать, и дел своих он не стыдится.

И ничего тут нет смешного! Земля предков, земля пращуров, политая их кровью и потом, – это не смешно. Даже Джона, которая обрела новый дом на Шанте, все равно тосковала по Янамари. И примчалась при первой же возможности, чтобы снова ощутить могущественную силу плодородной земли. Свадьба свадьбой, но не только ради первенца явилась шурианка, и не столько для знакомства с его нареченной. И взревновала, когда почувяла змеиным сердцем своим, что любовь Янамари принадлежит теперь не ей одной. Так даже к невестке не ревнуют. Джона по-настоящему разозлилась, и это поняли все, у кого имеются глаза.

– Я останусь с тобой до конца. И после смерти тоже, – выдохнул Рамман в темноту.

Ему пахло теперь яблоками, и словно тонкие сентябрьские паутинки коснулись лица.

– Элишва?

Тишина. Только легонькие мышинные шажочки под полом. Воистину, слепому бесполезно взглядываться, а глухому вслушиваться. Рамман в изнеможении закрыл глаза.

Взрослый мужчина может прожить без огромного количества удобств. Он спокойно обойдется без табака, чистых салфеток, столовых приборов и даже, пес раздери, без свежих рубашек. И только отсутствие одной вещи может свести с ума – отсутствие новостей. Не знать, на каком свете находишься, не ведать, что происходит за стенами кладовки – вряд ли господа республиканцы могли выдумать пытку страшнее для такого человека, как Рамман Никэйн. Лучше бы его не кормили, честное слово. Женщина, которая приносила еду, не в счет. Простая крестьянка, что она может знать?

О матери и невесте, к слову, он не беспокоился нисколько. Джона наверняка взяла Илуфэр под защиту и покровительство, а с графиней Янамари девушка не пропадет.

Однако же не зря в народе говорят, что даже кошку можно заставить есть репу, если дать ей как следует поголодать. Через несколько дней на голодном пайке Рамман озверел.

Ходить за пленным владельцем оказалось не в пример легче, чем, скажем, за козами. Всего и заботы, что трижды в день покормить его, воды налить в умывальник да вынести поганое ведро. Графа Майрра втихомолку жалела, готовила собственноручно, чтобы комитетчики ненароком не утомили пленника, и узилище его по мере сил постаралась сделать более... домашним, что ли. Тюфячок приволокла, одеяло и даже бельишко. Молоденький ведь, не старше Деррина-средненького – ведает ли кто, где его косточки? А уж про душу и думать страшно! Расточилась, истлела, как у всех у них, у неприкаянных, ненужных... Было дитятко – и нету. Словно и не выносила вдова Бино под сердцем троих сынов. Сгинул род, оборвалась ниточка. А этим тварям ненасытным, Эску и Хереварду, все мало! Если б какой-нибудь бог покарал бы их обоих, диллайнского князя и колдуна-эсмонда, какие жаркие молитвы вознесла бы ему Майрра! Обоих, обоих кровожадных стервцов! Будь они прокляты – оба!

Два дня новорожденной Янамарской республике исполнилось, а на третий явился в Дэйнл от тива Хереварда переговорщик – гладкий и наглый, чтоб переговоры, значит, вести. А предмет тех переговоров был понятен даже козе. От Эска Янамари отложилось, пожалуйста теперь под руку Благословенного Святого. И графа своего, эскова выкормыша, изменника и бунтовщика, извольте из кладовки извлечь да и выдать на справедливый и скорый синтафский суд. Но тут нашла коса на камень, и революционный комитет, как та коза, уперся рогом.

Появление господ из Комитета стало для Раммана долгожданным событием, почти радостью, сулящей хоть какую-то определенность. Четверо преисполненных чувством важности миссии мужчин в сюртуках, украшенных черно-желтыми бантами, и уже знакомая графу женщина-прислужница.

Самый невзрачный из визитеров вышел вперед и, небрежно кивнув узнику, заявил:

– Добрый день, гражданин Никэйн. Мое имя Камилен, гражданин председатель Камилен. У вас имеются какие-нибудь жалобы или пожелания?

Владелец крошечной типографской мастерской, перебивавшейся редкими заказами рекламных листов, сделал большой карьерный скачок, как на взгляд графа. Ни барона Шэби, ни хозяина мануфактур среди нового руководства не наблюдалось, что показательно. Либо эти ушлые «граждане» скомпрометировали себя слишком высоким происхождением, либо решили остаться в тени, на случай резкой смены политической обстановки. Что тоже разумно.

Прислуживавшая Рамману женщина, к его удивлению, также состояла в рядах Комитета.

«Революционные нравы? Или подачка простолюдинам?» – вопрошал себя Рамман, разглядывая разношерстную компанию.

– Нет, кроме того, что меня незаконно лишили свободы, никаких претензий у меня нет, господин Камилен, – признался узник честно.

– Гражданин Камилен, с вашего позволения, – поправил его владелец типографии, многозначительно сверкнув очами. – Это принципиально. Видите ли, в Янамарской республике прежние сословия, согласно воле народа, отменены. Касательно же вашей свободы... Полагаю, надо перейти прямо к делу. В Дэйнл прибыл эмиссар Хереварда Оро. В том числе и по вашу душу, гражданин. И его настоятельные пожелания вашей передачи в руки Синтафа, признаюсь честно, ставят Комитет Общественного Благочестия перед дилеммой... – и видно было, что он наслаждается всеми этими звучными названиями.

«Гражданин» выходило рычащим, так же как сладкие для слуха любого революционера слова «принципиально» и «эмиссар». Охваченного высоким гражданским порывом Камилена распирало от гордости за себя, такого умного и достойного патриота Янамари. И Рамман не видел причин, отчего бы ему не спустить выскочку из заоблачных высот на землю.

– Видите ли, гражданин Камилен, решение разного рода дилемм как раз и входят в обязанности... хм... руководителя, – улыбнулся граф вежливо.

– Бесспорно. И ваша ирония, безусловно, оправданна. Однако давайте начистоту, гражданин граф. Республика сейчас оказалась между двух огней и вести войну на два фронта неспособна.

«Вот уж точно – бесспорно, – согласился Рамман. – Хорошо хоть ты это понимаешь».

– Цена же договора с Синтафом – ваша голова. Однако... Вы были хорошим графом, народ вас любит. И выдавать вас на расправу эсмондам – не только преступно, но и неразумно. Впрочем, Комитет пойдет на это, если вы, гражданин, не подчинитесь воле народа и не присягнете Республике. Я не требую немедленного ответа. В вашем распоряжении, по меньшей мере, сутки на размышление. Завтра после полудня посланник Хереварда прибудет вновь. К тому времени Комитет должен будет что-то ему предъявить: или пленного заговорщика и мятежника, или... лидера, облеченного доверием народа и Республики.

Скорое появление Хереварда Рамман предвидел и даже ожидал, но не так быстро. Значит, его опасения подтвердились, и нынешний бунт все-таки спровоцирован эсмондами.

«Да чушь это собачья! Не нужно себя уговаривать. Эск по праву делит «славу» разжигателя янамарского мятежа с Оро. Вот уж воистину одного гнезда пенчики! – злился Никэйн. – Вот бы номер вышел, узнай все, кто кому тут доводится папашей».

– Видимо, я зря иронизировал относительно ваших знаний, гос... гражданин Камилен. И с одной стороны, меня, конечно, сильно утешает мысль, будто я любим янамарцами настолько, что они предоставили мне самолично выбрать свою судьбу. А с другой... Задумывались ли вы, граждане комитетчики, – он специально обратился сразу ко всем, чтобы никто не обольщался, что вся ответственность возляжет на одного лишь Камилена, – над вопросом боеспособности княжества Файрист? Или вы считаете, будто князь Эск так просто отдаст лучшие земли врагу?

– Кровавый тиран, безусловно, не пожелает выпустить из своих когтей нашу несчастную землю, – Председатель усмехнулся понимающе. – Однако сейчас, когда на границе стоит армия

Синтафа, Эску будет некоторым образом не до нас. В конце концов он не вечен, да и Херевард, к слову, тоже. Вполне возможно, что эти два паука сожрут, наконец-то, друг друга. Это и есть самое горячее желание народа. А без народа, гражданин Никэйн, обороноспособность превращается в пустой звук. Кстати говоря, в глазах князя Файриста вы – уже предатель.

Определенная доля разумности в его речах имелась. За последние годы крохи сыновней привязанности к Аластару благополучно испарились, и взаимное пожирание Эска и Оро выдвинулось Рамману лучшим решением всех проблем. Все так, но Идгарда... Идгарда он любил, а тот любил Аластара. И этот замкнутый круг разомкнуть было сложно, почти невозможно.

– Открою вам страшную тайну, гражданин Камилен. Главное – самому знать, что предательства не было. Я тоже убежден, что многие деяния его высочества не украсят страницы истории, и я последние двадцать лет делал все, дабы защитить интересы янамарцев. И... мне нужны сутки на раздумье. Нет, не нужно усмехаться, граждане комитетчики. Я буду думать о том, как спасти всех нас от гнева Аластара Эска и не дать сожрать Янамари Хереварду Оро.

– Прекрасно. Только учтите в ваших размышлениях, что добровольно обратно под руку Кровавого Сыча Янамари не пойдет. Всех он не перестреляет. Гражданка Бино позаботится о вашем удобстве. Полагаю, вы желаете переодеться? Кадфы, может быть?

Не в правилах заключенных отказываться от малейшего послабления.

– Переодеться и кадфы, и если это возможно – газету, – согласился Рамман.

– По счастливому совпадению, гражданин, я захватил с собою свежий выпуск республиканской газеты. Пожалуйста. Теперь позвольте нам откланяться. До завтра, гражданин граф.

И, как это всегда бывает с жаждущими новостей, утоление потребности не принесло ничего, кроме новых душевных страданий. На первой странице газеты свежей, еще пахнущей олифой краской была напечатана прокламация о провозглашении Янамари республикой и о согласии гражданина Никэйна возглавить оную.

Оставалось лишь топтать ногами и колотить кулаками в стены, чего Рамман делать не стал в силу воспитания. Но очень хотелось. Хитрые комитетчики его обставили, как уличные мошенники деревенского мальчишку. И пока граф Янамарский общался с пауками в кладовке, ушлые бунтовщики придумали безошибочный ход. И вопрос совсем не в том, поверит или не поверит Аластар в предательство. Эск поступит так, как сочтет выгодным и правильным. Вариантов превеликое множество. Задавшись целью просчитать, какой выбор сделает князь Файриста, Рамман рисковал впустую потратить отпущенные ему на раздумье сутки. Зная же характер и наклонности человека, от чьих чресел он рожден, граф Янамари полагал, что тот не станет в открытую губить первенца Джоны. Чадолубивая шуриа ему этого никогда не простит. А вот замешкаться, задержаться и предоставить Хереварду Оро совершить жертвоприношение – совсем другой разговор. Потом уже можно и кроваво мстить убийце единственного верного соратника, и проклинать вероломство эсмондов.

Рамман Никэйн как невинная жертва – просто идеальный выход для Аластара. Вот только сам граф не желал быть беззащитной животиной для заклания.

«Если помирать, то так, чтобы все успели пожалеть, что связались с опасным зверем», – говаривал Бранд. Десятилетнему мальчику невдомек было, к чему отец ведет, но запомнилось крепко, навсегда.

«Сейчас бы еще посоветоваться с ним. Вместе уж точно придумали бы, как извернуться, – подумалось Рамману. – Или вот хотя бы Дух Янамари надоумил». И в кой-то веки пришло сожаление о том, что не шуриа он.

Впрочем, граф сильно сомневался, что его мать так уж часто бросается за помощью и советом к духам природным и призракам мертвых. Все же живому человеку, как говорится, и карты в руки.

В двери узилища, прежде чем отодвинуть засов, осторожно постучали. Раньше такого не было, раньше гражданка Бино входила без предупреждения. На этот раз она принесла чистую рубашку и поднос с кадфой.

– Не побрезгуйте, милорд... тьфу ты, гражданин Никэйн. Сказано вам передать и спросить, может, чего еще надобно.

«Мыло и веревку», – мрачно пошутил сам с собой тот.

– Спасибо, гражданка, – и, подумав мгновение, добавил: – А как вас зовут?

– Майрра, вдова Бино, ваша... гражданин. Синичанские мы были.

– О! Синицы! Я помню, была такая деревушка. Ее сожгли.

Не везло им с хранителями колодца катастрофически, один по глупости и злобе осквернить умудрился, второй оказался горьким пьяницей, третий – мошенником. Все приметы указывали на печальную судьбу поселения. Так оно и вышло.

– Точно так, ваша милость, – женщина вздохнула, позабыв про «гражданина». – Дотла спалили. Сперва синтафцы, когда наступали, а потом, только-только как отстроились мы, так амалерский полк через нас прошел... – Майрра безнадежно взмахнула свежей графской рубашкой, тоскливо, по-бабьи, охнула, а потом нахмурилась: – Так что судите сами, ваша милость, нам что тивы, что не тивы – все едино. Как последнее отбирать, девок портить да халупы жечь, так все они одинаковые.

Совсем некстати вспомнилось Рамману, как он из своего кармана платил тиву Удазу за очищение злополучного синичанского колодца. Право же, немного серебра – малая цена за общественное спокойствие.

– А теперь сожгут Дэйл. Вы ведь понимаете, что ничего хорошего от мятежа ждать не следует?

– А я, ваша милость, уже давно ничего хорошего не жду, – угрюмо насупилась крестьянка: – Как сыночков схоронила, так и перестала ждать. Вы рубашечку-то снимайте, сударь мой, надевайте свежую. Воды вот теплой пожалуйста. А то мне еще в этот... в трибунал успеть надобно.

Графского сочувствия Майрре было и даром не надо. Умных разговоров – тоже. Дэйл... А что Дэйл? Чем он лучше-то злосчастных Синиц? Да и гори он огнем, Дэйл этот, коли так!

– Трибунал? А кого судить будете? – спросил граф, стягивая рубашку.

– Так барона Шэби, – охотно поделилась новостями вдова: – Он, аспид, херевардовым засланцем оказался. Как штык к кадыку приставили, сразу все выложил. Теперича предъявим его народу, да и на фонарь, сердешного. Чтоб каждому по заслугам. Никого, ваша милость, не обидим, будьте покойны!

За разговором Майрра ловко прислуживала бывшему владельцу и, поливая ему на руки из кувшина, ворковала:

– А следом и господина Новира, фабриканта. Ишь, гонца в Амалер отрядил! Хорошо, перехватили. И дрыгать им ножками под одной перекладной. Чтобы, значит, никому не было завидно.

– Вот оно что! Однако! Народный трибунал удивительно непредвзят в своих антипатиях, – подивился Рамман и пояснил мудреные слова для крестьянки: – Чтобы никому обидно не было – ни Хереварду, ни Аластару, стало быть. А если и тот, и другой осерчают? Не боитесь княжьего и мажьего гнева?

А выходило-то, что граф Янамарский, столь любимый народом, прохлопал у себя под носом целых две агентурные сети.

Майрра между тем вошла в раж. За живое зацепили ее слова Раммана, за самое сокровенное.

– Так чего уж бояться, – женщина невесело усмехнулась: – Отбоялась уже свое. Сойдутся они здесь, схлестнутся... а мы их – в спину вилами. За все, сволочей! За Арагира моего, за сыночков, за дом! Хоть одного кровопийцу извести – а там пусть уж вешают!

Обида, застарелая и подсохшая было, вновь поднялась к самому горлу вдовы. Так ожидают сухие дрожжи, если бросить их в теплое молоко, да еще и сахару сверху насыпать. Майрра стиснула кулаки. Да будет ли еще случай вот так высказать все в лицо власти, пусть даже и бывшей?

– Мало мы пахали, сударь? Разве ж худо служили-то, а? – забывшись, она повысила голос и стала наступать на пленника, будто снова вернулась на площадь. Впереди – тонкая цепочка штыков, а позади... Все Янамари, вся земля, до смертной оторопи уставшая от войны и раздоров. Когда еще она заговорит – и ее станут слушать?

– Мы вот с Арагиром моим все копили, откладывали для тива, чтобы мамаше глаза полегчало... Хватились – ан нету больше тивов! Помогли нам богини? Слепая мамаша много нарабатывает? Что ни год – новый налог да подать! Урожай, неурожай, все едино! Военные, постоянные, всякие-разные – вынь да положь! Арагира забрали, старшего забрали – ладно. Младшие подросли – и их забрали! А без мужика какое хозяйство? Сгинули на войне вашей все Бино, одна я теперь... – у Майрры перехватило горло, но не слезами, нет. Какие уж тут слезы? Выплаканы все давным-давно, ни слезиночки не выдавишь. Да и зачем? Все равно не дождешься утешения. А вот справедливости, хоть на горсть, хоть на щепотку...

– Раньше... раньше хоть в храм пойдешь, возгласение закажешь – и на душе легче. Прежде-то как думали? – в благодати они, отмучились. А теперь? Где их душеньки, а? Вот вы, ваша милость, человек знатный, образованный, книжки всякие читали, небось... Вот растолкуйте мне, темной бабе, – чем таким мы перед богами провинились? Тем, что прабабку мою диллайны отымели? Так времена такие были. Кто ж знал-то? Неужто надо было, как ролфи, младенчиков топить? А пусть даже и провинились... Подсказали б, как – разве ж не искупила бы ту вину? Пусть бы хоть жгли, хоть топили, хоть Предвечный жрал! А мужики мои? За что полегли? Были б хоть души... хоть зверем, хоть птицей, хоть козой, хоть лебедой – все легче! так ведь нет. Никому мы не потребны. Так тогда и нам, ваша милость, тоже никто не надобен.

– Я тоже полукровка, я тоже не ведаю о своем посмертии. Так что тут мы с вами, сударыня, на равных, без скидок на сословие. И когда бы я знал, как исправить сотворенное не нами... – Никэйн махнул рукой. – Поэтому у нас с вами, Майрра, есть только одна определенность – эта жизнь. У вас еще остались дети?

– А вы до моих детей не касайтесь, сударь, – огрызнулась женщина. – Вы вот граф, так кому ж еще искать нам тропку, как не вам? За это мы вас, князьев с графьями, и кормили, чтоб... А! Что говорить! Ежели вы нам путь укажете, так все Янамари за вас встанет, да и не только Янамари. И Эску шею свернем, и Хереварду. Хватит, попили крови! Видать, детей своих Сыч амалерский не хоронил ни разу... ну так наплачется еще!

Рамман по-простецки присвистнул:

– Эх, Майрра, Майрра, кабы Эск сам знал выход для полукровок, он бы по горящим угольям босыми ногами пошел до неба. И я бы следом, и наследник – брат мой кровный. Да многие бы, даже тивы-диллайн. Но никто не знает, понимаете? И бунт не поможет, и республика ваша самопровозглашенная... Думаете, в Идбере простым людям лучше живется? Или в Эббо?

Сказал и подумал, что уже и сам не знает, чего же на самом деле хочет Аластар. Нужны ли ему вообще теперь боги?

– Небось, у конфедератов столько не воюют, – вдова глянула на графа с большим сомнением, дескать, такой благородный весь, а мозги бедной бабе полощет не хуже рыночного зазывала. Или сам таких простых вещей не понимает? Где ж оно видано, чтоб сытый о голодном печалился?

– А Эску до наших бед дела нету, диллайн он, свои у него заботы. Кого чужое горе печалит? – женщина хмыкнула и добавила, как отрубилась: – Хватит. Двадцать лет Эск ваш ищет-свищет, да только ничего покамест не нашел. Значит, не суждено ему. Видать, кто-то иной должен. Такой же, как мы. Полукровка неприкаянный. Вот так-то, сударь. Рубашечку сюда давайте, я постираю... Пора мне. Не начнут они без меня, нужна им Майрра Бино для этого... кво... ква... ну, как лягушка квакает, мудреное слово такое, все никак запомнить не могу! Чтоб, значицца, весь Комитет рядком сидел. Прощевайте, сударь. Что на ужин хотите? Я опосля готовлю.

– Спасибо, Майрра. Приготовьте что-нибудь на свой вкус. Я привычный и всеядный, хоть и граф.

А еще Рамману требовалось срочно побыть в одиночестве и хорошенько подумать.

Давным-давно отзвенел тот летний полдень, когда они с Брандом бродили по берегу Намы. Отец – затянутый в темный строгий сюртук, безупречный столичный фронт, и сын – в точно таком же костюмчике, старательно копирующий походку и даже голос своего обожаемого родителя. Смотрелись они, должно быть, комично, но обоим было несказанно хорошо вдвоем.

– Учись выделять из множества деталей главное, малыш. Это очень пригодится в жизни.

– А как это делать?

Бранд окинул надменным взором окрестности. Ни дать ни взять полководец, осматривающий поле боя.

– Расскажите-ка мне, дитя мое, что вы видите на противоположном берегу реки.

Рамман послушно выполнил указание. И вглядывался до рези в глазах.

– Ну и?

– Я вижу мокрый песок, потом кусты, за ними деревья разных пород, дорога, стадо коров.

– Сколько коров?

– Один, два... девять, отец.

– Прекрасно. Еще что?

Мальчик старательно посчитал все липы, все стога сена, заметил какие-то тряпки, висящие на кустах, и даже умудрился разглядеть сорочье гнездо на верхушке клена. Бранд кивал, постукивал тростью по голенищу сапога, нюхал табак, но сына не перебивал.

– Только что же в увиденном главное?

– Не знаю, – пожал плечами мальчуган.

– Мы не видим нашего пастуха Круса, который должен быть рядом со стадом.

– Ох, правда! А где же он?

– Я полагаю, что в тех самых кустах волчегонника, кои он почтил своими портками, – усмехнулся граф Никэйн. – Что означает...

– Быть кому-то поротому за нерадивость.

Отец ласково шелкнул ребенка по загорелому носику.

– Почти верно. Вы очень умны и наблюдательны, дитя мое любимое, – сказал он, подхватил Раммана на руки и понес к ожидающей их коляске. – Главное, что сделает паршивцу Крусу вдова Мэсим, с чьей дочкой он сейчас отвлекается от коров? Но об этом тебе еще рано знать, детка.

От графа Никэйна пахло вином и мамиными духами. А еще у него была шершавая теплая щека...

Нынешний граф Янамари улыбнулся своим воспоминаниям. Он все-таки научился отделять главное от второстепенного, и сейчас ему во что бы то ни стало надо избежать когтей Хереварда. Это – важнее всего. Пусть будет Янамарская республика, которая даст отпор захватчикам из Синтафа. Это зачтется. А с Эском потом разберемся. Главное – Янамари!

Джойана Ияри

В щели опущенных кожаных штор в карету едва проникал свет, но по тому, как раскачивался и скрипел рессорами экипаж, как грохотали колеса и цокали копыта, Джона догадалась – они едут по булыжнику. Оставалось только гадать, куда завез их с ир-Сэйганом бывший эсмонд.

Но возница вдруг зычно причмокнул губами и крикнул: «Тпру!» Карета остановилась.

– Добро пожаловать в Этенхари, сударыня, – молвил доктор Сид, распахивая дверцы перед своей пленницей. – Здесь мы переждем сложные времена.

Он излучал самодовольство, как весеннее солнце – тепло. Джойане осталось лишь тихо-нечко скрипнуть зубами от злости, когда она выбралась наружу и узнала место. Наглости эсмонду не занимать. Поселиться в конфискованной двадцать лет назад каливе¹. Эсмонд-Круга может только отчаянный наглец. Или отличный стратег.

– Не надо кукситься, миледи. Взгляните на все происходящее, как на возможность расширить кругозор. Когда бы вы смогли побывать здесь?

Чистая правда. Если на порог храма Предвечного шуриа еще могло занести каким-то чудом, то территория каливы для детей Шиларджи оставалась во все времена запретной. Здесь эсмонды учились управлять своей магией, медитировали, уединялись для молитв и ученых диспутов. С тех пор как диллайн перестроили под нужды волшебников древний ролфийский замок на вершине известнякового холма, эти земли только формально принадлежали Янамари. Тив Этенхари подчинялся лишь Хереварду Оро. И насколько Джона помнила, он был редкостным мерзавцем.

– А правду говорят, что преподобного Лэра повесили на воротах вниз головой? – спросила она самым невинным тоном.

– Разумеется, – улыбнулся Сид. – Остальных служителей Предвечного добрые янамарцы вздернули правильно – за шею.

Джона внимательно огляделась – романтическое гнездышко, к тому же весьма неплохо защищенное от посторонних взглядов. Крепостная стена красиво заросла хмелем, но оборонительных качеств не утратила ни на йоту. Основное здание каливы было окружено хозяйственными постройками – всякими сараюшками, конюшнями, курятниками, но ее окна подозрительно смахивали на бойницы. И не исключено, что в подвалах имелся небедный оружейный арсенал. Да и граница с Идбером недалеко, в крайнем случае беглые колдуны всегда могут упорхнуть в Конфедерацию.

– На месте Эска я бы перепроверяла тех, кто покупает конфискованное имущество, – фыркнула шуриа, увидев нынешнего хозяина Этенхари.

Тивская морда! За сто шагов не ошибешься.

– Я бы тоже, – парировал эсмонд. – Но вашему Эску нужны были деньги. Мятежники и тираны всегда озабочены дефицитом казны.

– *Моему Эску* еще не поздно все исправить.

Шуриа дернула плечиком и отправилась следить, как сычихи-аннис устроили ее ир-Сэйгана, не навредили ли раненому.

Между собой женщины не разговаривали. И если немота Итэль Сар объяснялась травмой горла, то ее соратницы молчали исключительно из солидарности с патронессой. Ну, и немножко из презрения к шурианке. Дам можно понять – коллективно нос воротить всегда приятнее и веселее.

¹ Калива – уединенная постройка, предназначенная для проживания и обучения волшебников-эсмондов.

Еще с юности, с той поры, когда Джона томилась в благоустроенной эсмондской тюрьме в ожидании Охранительной Оркены, она крепко запомнила – с аннис лучше не связываться. Магички одержимы пуще всех диллайн, вместе взятых. Аластарова целеустремленность по сравнению с их жаждой – нежные цветочки. А уж зреть их души – сущее наказание для детей Шиларджи.

– Миледи, со мной все в порядке, не переживайте, – храбрился ролфийский капрал.

Улыбался через силу, а сам едва ли не сознания лишался от слабости. Бедолага!

По настоянию Джоны, их с Кэйрроном разместили в смежных комнатах. Священная Невеста не пожелала разлучаться с телохранителем.

В единственном платье, без багажа Джойана была идеальной постоялицей каливы.

– Ночную сорочку и нижнюю рубашку найдете в сундуке, – прошипела сквозь зубы одна из аннис.

«Значит, надолго мы тут не задержимся», – догадалась Джона, которая и не собиралась пользоваться диллайнскими тряпками. Пусть лучше платье на ней само истлеет, чем касаться телом холодного полотна, отчетливо воняющего паленым пером. Признаться честно, шуриа не знала, сколько дней она сможет вынести общество эсмондов. Джону словно положили на огромную свалявшуюся перину и сверху накрыли такой же периной. Колдуны все же люди иной породы, чем обычные диллайн. Одержимость эсмондов сродни содержимому вулкана – расплавленному докрасна, жидкому камню, она испепеляет и душит заживо.

– Вам бы ноги отсюда делать, миледи, – прошептал капрал, когда они остались одни. – Еще неизвестно, что они с вами сотворить задумали, маги энти гребаные. А я уж как-нибудь отобьюсь.

– Задумали, само собой, – согласилась Джона. – Хотят заманить в ловушку Идгарда или Аластара. Или обоих сразу.

– И чего теперь делать?

– А ничего, – с деланой беззаботностью отмахнулась шурианка. – Аластару не до меня, а если Идгард наполовину такой, как его отец, то он ни за что не поддастся на шантаж. Идгард – диллайн, он живет разумом, а не чувствами.

– Докторишка, небось, тоже в курсе, сам диллайнского рода. Опасный он, гад.

Священная Невеста наматывала круги вокруг обеденного стола, не в силах остановиться. Перья, везде проклятые невидимые перья! Щекочут тело, лезут в рот, глаза и уши, и душат, душат, душат...

Опасный, опасный, опасный... Форхерд Сид не просто опасный, он – безумный. Тронутый, помешанный, чокнутый, называйте как угодно, сути это не меняет. Бывший эсмонд горит в пламени своей единственной страсти, и в Этенхари его одержимость только усилится.

Здесь, в каливе, магия Предвечного оставила неизгладимый след на каждой вещи. И память стульев, столов, кроватей, комодов хранит в себе часть духа поколений колдунов, исполненных магии Предвечного, одержимых Верой, готовых на все ради Силы. Для шуриа это почти больно.

– Выздоровливай, Кэйррон, выздоравливай поскорее, – приговаривала Джона, невольно вытирая щеки от незримого пуха. – Вставай на ноги, и сбегим отсюда, иначе я в этом старом курятнике с ума сойду.

– Я постараюсь, ваша милость, – честно пообещал капрал.

Грэйн

Пограничная будка опустела, покосилась и обгорела. От полосатого шлагбаума, еще недавно символизировавшего неприкосновенность фэйристанских границ, остался лишь сиротливо обломанный столбик да обрывок веревки. Солдат, к слову, тоже было не видно. Ни живых, ни мертвых. Только заснеженные просторы, стая галок над ближним перелеском да отдаленный лай собак.

– На дрова порубили, что ли? – Грэйн, притопывая на морозце, задумчиво попинала мыском сапога обломки государственного порядка и шмыгнула носом.

– Не могу знать, ваша милость, – буркнул возчик.

Заиндевшие кони всхрапывали и переступали копытами. В тепло просились, как и всякая живая тварь.

– Прикажете трогать? До станции бы засветло добратся, а то как бы пургой не застигло...

– Сыч знает, что тут творится! – в сердцах сплюнула ролфийка и полезла обратно в сани. –

На станцию так на станцию.

Пистолеты на всякий случай она зарядила еще на идберранской стороне и держала их под рукой. И остро жалела об отсутствии винтовки и сабли, а еще лучше – взвода славных ролэнтских стрелков. Лучше – с оружием. По всему выходило, что в Янамари действительно что-то неладно.

Усталая упряжка не успела дотрусить до станции, а подозрения Грэйн уже подтвердились. И впрямь что-то не в порядке с государством, из пределов которого тянутся вереницы беженцев. Те из обывателей, кто поумней и посостоятельней, целеустремленно направлялись в недалекий Идбер, предусмотрительно сбившись в длинный санный караван. На ролфийку, стремящуюся туда, откуда все бегут, посматривали с подозрением. Грэйн почесала затылок и переложила пистолет на колени. Мало ли... раз такие дела творятся, лошадь из средства передвижения превращается в весьма опасное имущество. Барышники и шорники, должно быть, процветали. Хотя если приглядеться к скотинам, влекущим горестный обоз, то, пожалуй, и армейские клейма разглядишь. Не иначе, краденые.

– Подстегни-ка наших одров, парень, – негромко приказала ролфийка, держа пистолет на виду.

К счастью, тяготы зимней дороги покамест отбивали у встречных охоту покуситься на янамарских коней. А может, беженцев отпугивала военная форма эрны Кэдвен. Но вздохнуть с облегчением Грэйн решила лишь после того, как ее сани разминулись с последней повозкой каравана.

– Ваша милость, может... не сворачивать на станцию-то? – беспокойно подал голос возчик, когда в сумерках потянуло печным дымком, навозом и уличным сортиром. – Как бы не свели лошадок...

– Но надо ведь разузнать, что здесь на самом деле происходит. Да не трясись ты! Разберемся.

– Ваша милость, я ж человек простой, невоенный...

– Да и так ясно, что ты мне не помощник, парень. Вожжи крепче держи – вот и вся твоя забота. О! Вроде брякнуло что-то?

– Дык... – возчик привстал, всматриваясь. – Кажись, драгуны во дворе. Нет, ваша милость, вы как знаете, а...

– погоди, – Грэйн высунулась и сдвинула шапку на затылок, чтобы не мешала. – Сбруя фэйристанская. Сворачивай к воротам. Свои это.

– Да разве ж теперича поймешь, кто тут свой, а кто... Эх! – Янамарец горестно махнул рукой, но перечить не стал.

Эрна Кэдвен, не дожидаясь, пока парень заведет упряжку во двор, выпрыгнула из саней и, хмыкнув на какой-то незнакомый черно-желтый лоскут, криво прибитый к притолоке, ввалилась в двери.

– Эй, смотритель! Доброго вечера, господа! Смотритель! Заснул, что ли?

Ответом ей был кашель и смачное харканье. И пока ролфийка морщила нос и щурилась с непривычки в прокуренном общем зале, из сизых клубов табачного дыма показался солдат. То есть капрал. По форме судя – из тех драгун, чьи лошади мерзли на дворе. И вид у него был, на строгий взгляд капитана эрн-Кэдвен, расхлябанный донельзя. Мундир измят и расстегнут до пупа, бриджи замызганы, а про сапоги и говорить нечего – слезы, а не сапоги. Да и черная щетина фэйристьянского вояку не украшала. Все это да полуоторванная капральская нашивка, да к тому еще перегар...

– Дезертиры? – осведомилась Грэйн и чихнула, несколько подпортив впечатление. – Портянки курите, что ли?

– Баба, – констатировал драгун. – Одна.

– Кажись, ролфийка, Тарр! Ты б остерегся! – подали голос откуда-то из-за вонючей пелены.

– Один хрен, – кавалерист трубно сморкнулся в пальцы и вытер их об штанину. – Баба, она и у ролфей баба. Эй, волчиха, гони монету за проезд!

– Грабите? – усмехнулась ролфи, щелкнув курком так, чтоб услышали.

– Реквизируем, – уточнил драгун и оглянулся на товарищей. – В интересах, мать ее так, революции. Возьмите-ка ее на мушку, братва. Чо-то борзая слишком!

– Волчихи, они такие, – отозвался какой-то знаток.

«Ага, вот и третий!» – прикинула соотношение сил Грэйн и осталась довольна. Трое – это терпимо, тем более что заводила у них этот сопливый. С него и начать не грех.

– Ты прими в сторонку, капрал, а то...

Но этот добрый совет запоздал. Эрна сорвалась с места, в два прыжка ушла из опасной зоны и укрылась за круглой печкой-«канаварркой». И уже оттуда прострелила любителю приставать к проезжим ногу. Левую. Право же, на таком расстоянии промазал бы только слепой.

– Следующему говнюку отстрелю яйца. Фальцетом у меня запоете! Усекли, с-скоты?! – гавкнула ролфийка из-за печки, перекрывая грозным «комендантским» рыком вопли и мат. – Ну?!

На несколько мгновений пала тишина. Даже подстреленный драгун перестал реветь быком, сорвавшись на поскуливание.

– Я ж говорил – волчихи, они бабы злые. К ним свой подход нужен, – вздохнул с почти философским глубокомыслием еще небитый соратник неудачливого капрала и просительно окликнул Грэйн. – Извиняйте, ваша милость! Ошибочка вышла!

– Для тебя – «ваше благородие», скотина ты немытая, – уже беззлобно уточнила эрна Кэдвен.

– Виноват, вашбродь, – послушно поддакнул фэйристьянин. – Дозволите раненого перевязать?

Идгард и Сина

В провинциальных городах люди спать ложатся рано, и ночная жизнь, как в развратных столицах, там отсутствует напрочь. Вечерние домашние посиделки за карточным столом не в счет. Ну разве что предводитель дворянства задаст бал в честь очередного праздника. Тем паче повод есть – визит их высочеств – наследника престола и его сестры. И если уж они отказываются от бала, то пусть будет званый ужин. Для тихого Керуша – событие выдающееся, можно сказать, историческое. Когда еще высокие гости удостоят своим посещением? То-то же!

Здравниц произнесли без счету, и с каждым новым оратором они становились все более льстивыми, нетрезвыми и запутанными. Вплоть до поименования его высочества Идгарда – законным властителем Файриста. Ликерные вина, они в больших количествах коварны и развязывают иные языки почище самой жестокой пытки. Опасаясь, как бы наутро некоторые болтуны с перепугу в петлю не полезли, хозяин объявил танцы.

Пришлось княжне Сине отплясывать и за себя, и за брата, который вел многомудрые беседы с цветом местного общества. Все как полагается – о погоде, видах на урожай и технических новинках. Сина же чудом избежала обсуждений столичной моды с местными дамами, выбрав из двух зол меньшее – танцы.

Словом, княжьи детки едва дождались окончания праздника в свою честь. И уже разбрелись по апартаментам, чтобы зарыться в пышные перины, но вкусить радостей заслуженного отдыха им не довелось.

Княжна в чем была – в бальном наряде с полуразобранной прической – примчалась к брату. В руке она сжимала печатный листок.

– Ты... ты видел это?!

Перед Идгардом на столе лежал точно такой же продукт янамарской типографии. Заглавие жирным шрифтом – «Декларация Свободы» – само по себе притягивало взгляд.

– Мы, представители народа янамарского, собравшись в Комитет Общественного Благодеяния, призывая всех сущих богов в свидетели честности наших намерений, от имени и по уполномочию доброго народа, торжественно заявляем, что земля Янамари является свободной и независимой. Также освобождается от всякой зависимости по отношению к фэйристанскому трону. Земли янамарские объявляются Народной Республикой, – с выражением прочитал вслух майор Бэсс, который находился тут же – в спальне наследника. – И первой стоит подпись вашего брата, милорд.

– Я не слепой, я все вижу.

Княжич сгорбился над злополучной прокламацией и подпирал обеими руками тяжелую-претяжелую голову.

– Этого следовало ожидать, – прошипел майор. – В Янамари давно зрел мятеж, но князь не обращал внимания на мои докладные записки... Если, конечно, они доходили до него.

Волею Аластара офицер по особым поручениям находился теперь при каждом фэйристанском полку, и в его обязанности входило изучать общественные настроения как среди военных, так и среди гражданских лиц, и сообщать о крамоле и вероятных заговорах. Чем майор Бэсс и занимался в меру сил и умений.

– Я уже отправил гонца в Амалер, и в скором времени ваш батюшка...

– Очень хорошо, – отрезал Идгард.

– Мы могли бы выступить прямо сейчас...

– Без приказа?

Сина присела на уголок стула и затихла, словно мышка. Она поверить не могла, что Рамман все же осмелился восстать против отца. Кто? Рамман? Само здравомыслие и хладнокровие! Не может быть! Или все же терпение у янамарцев во главе с графом исчерпалось до дна?

– Эта бумажонка вполне может оказаться синтафской провокацией.

Голос у Идгарда не дрогнул.

– Сначала надо проверить, а потом уже карать.

– Вы так говорите, потому что граф Янамари – ваш брат.

– Да. Старший брат, заметьте. Человек, вырастивший меня.

Княжна прикрыла глаза ладонью, как бы в изнеможении, а на деле, чтобы не видеть, как ее брат превращается в Аластара. Пусть на несколько мгновений, но наблюдать это невыносимо. Эсково бешенство, оно ледяное, бесстрастное, пронизывающее и замораживающее жертву до онемения.

«Меллинтан, мать наша Простившая, помни, что он одержим не Властью, а Законом. Идгард – не Аластар и никогда не станет им. Никогда!» – беззвучно молила Сина богиню.

А когда позволила векам разомкнуться, то в комнате остались они одни. Майор Бэсс выпорхнул прочь.

– Что скажешь, разумная сестра моя?

– А нужно что-то говорить? – княжна осторожно пожала плечами.

Меньше всего, по ее мнению, Идгард нуждался в чьих-то советах или подсказках. Рано или поздно ему пришлось бы решать, с кем он. Все к тому шло. Так почему бы не сейчас?

– Если я вообще хоть что-то понимаю в характере Раммана, то этот шаг вынужденный, крайний, – рассуждал княжич. – Мой брат – не безумец и он не одержим Властью, как...

«Ты должен выбрать сейчас – Аластар или Рамман. Отец или брат? Файрист или...», – думала Сина, и язык ее жгли страстные слова, которые она уже тысячу раз повторяла мысленно: «Аластар должен уйти! Останови его, брат мой!»

Видит Меллинтан, а она видит, что оставайся Эск таким же, каким был хотя бы десять лет назад, никто и не помыслил бы о его... устранении. Но к Сине уже почти что очередь стояла, целиком состоящая из жаждущих свернуть шею тирану. Только знак дай, только намекни, что его наследник на следующий же день не отправит на эшафот удачливых заговорщиков.

Сина молчала. Идгард не виноват, что все крошечки отчей любви достались практически ему одному. Он знает Аластара таким, каким князя не знает никто.

«Какие мысли роятся в твоей взъерошенной голове, маленький братец? Какие сцены из прошлого вспоминаешь ты в миг перед самым важным шагом? Юношу Раммана, зовущего тебя «веселым совенком»? Еще не безумного Аластара Эска, рассказывающего тебе о своих морских приключениях?»

Княжна отдала бы сейчас все, что имела, включая посмертие, лишь бы ее Идгард мучился выбором хоть чуточку меньше.

А тот сосредоточенно глядел в пространство куда-то прямо перед собой золотыми глазами всех Эсков, которые когда-либо жили под тремя лунами. Он думал.

«Ты – диллайн, ты не можешь поддаваться чувствам, ты – диллайн, значит, сейчас все рассчитаешь и взвесишь «за» и «против». Я такая же. И все же... что важнее для тебя – твоя будущая власть или твой брат?»

Внезапно Идгард сморгнул, плечи его распрямились. Он выбрал.

– Мы отправляемся в Дэйл. Приказа подавить мятеж у нас нет, самовольничать я не собираюсь. Напротив, я официально уполномочен инспектировать войска. Вот и будем проводить инспекцию, как это положено по закону.

Что тут скажешь? Он – диллайн и одержим Законом. И – точка!

Рамман Никэйи

Сделать людям неожиданный и неприятный сюрприз, а потом смотреть на их перекошенные лица и бурно радоваться – очень-очень по-шуриански. В этой народной забаве Рамману Никэйи равных в Янамари было не сыскать, что не удивительно, памятуя, кто у него маменька. В чем и убедился на собственной шкуре полномочный посланник Хереварда Оро. Преподобный тив Мэриот Чес явился в Дэйил преисполненным самодовольства и только что мешок с собой не прихватил – для Раммановой головы. Всего, чего угодно, ожидал подручный Благословенного Святого, к любому повороту подготовился заранее, но не к тому, что граф Янамари вольется в Комитет Общественного Благодеяния и возглавит мятеж. Гражданин Камилен в дорогом, но не совсем по размеру сюртуке, мирно соседствовал с аристократом до мозга костей – Рамманом Никэйи, рядом примостились взъерошенные мужики совершенно простецкой внешности, а в уголке уютно устроилась женщина-крестьянка, сосредоточенно вязавшая носок. При виде трогательного единения представителей разных сословий диллайнская невозмутимость стекла с чела пресловутого тива точно отливная волна, обнажив валуны тяжких подозрений. И теперь в мутных лужицах сомнений копошились неприятные вопросы: «Кто же кого переиграл?» и «Не воспользовался ли Рамман ситуацией, чтобы удовлетворить собственные властные амбиции?». И с ходу тив Мэриот ответить на них ничего не мог, ведь детки Джоны, все как один, отличались немалыми запросами к жизни.

В оплоте революционного руководства было на удивление чистенько, и даже стулья с атласными сиденьями оказались целы. Серьезный признак! Обычно бунтовщики вымещали гнев на безвинной мебели, потом мочились в камин, а затем принимались крушить паркет. В Дэйилском магистрате, кроме нескольких снятых с петель дверей, зримых примет мятежа не наблюдалось.

Говорить с пребывающим в некоем замешательстве посланником стал, разумеется, «гражданин» граф, остальные комитетчики благоразумно помалкивали. И тив готов был присгнуть, что разумели из сказанного в лучшем случае половину.

– Как вы сами понимаете, господин Чес, ни о какой выдаче моей персоны речи быть не может, – вежливо улыбнулся Рамман.

– Мой господин согласится вести переговоры с любым лояльным Синтафу правителем, милорд.

– Гражданин, – аккуратно поправил его граф. – Переговоры о чем?

Бледен он был и выбрит не идеально, но при этом не оскорбил бы своим видом самого утонченного царедворца. Напротив, придворные дамы сочли бы синеву под глазами драматичной и очень модной. Аристократ, пес его раздери.

– О дружбе и сотрудничестве, само собой. У воюющей армии в тылу должны находиться лояльные союзники, – молвил раздраженный посол.

– О! Вот как?! Вперед – на Амалер? А я-то был уверен, что синтафская армия вошла в пределы янамарских земель с единственной целью – захватить их.

– Вас дезинформировали... э... гражд... сударь мой.

– Я искренне удивлен, что пять синтафских полков настолько сильны и боеспособны, чтобы победить армию Эска.

– Это так. Не стоит удивляться.

– Воистину Синтаф обрел невиданное могущество! Неужели Предвечный услышал мольбы Оро и ниспослал волшебную силу вашему оружию? Синтафские ружья стреляют без остановки, а лошади не знают усталости и голода?

Змееныш откровенно издевался, а могущественный тив Мэриот, по одному слову которого четверть века тому назад выползку свернули бы его цыплячью шейку, безропотно глотал обиду.

– Зато сабли в руках наших уланов неутомимы, – буркнул диллайн. – А к новым пушкам приставлены великолепно обученные артиллеристы. Не говоря уж об уровне дисциплины.

И не солгал ни единым словом. В пушках у Синтафа нужды не наблюдалось.

– Зачем же вам была потребна моя шкура?

«Да, пожалуй, уже незачем, – признался себе Мэриот. – Гражданин Никэйн для Аластара Эска не аргумент. Да и брат-мятежник, к слову, тоже сомнительное родство». Тив ни мгновения не сомневался, чью сторону выберет наследник Идгард. Это же очевидно!

– Всего лишь план «А», – снисходительно, точно маленькому ребенку, объяснил служитель Предвечного.

Рамман оскалился точь-в-точь, как это делал Бранд, подрагивая верхней губой. Словно колеблясь – смеяться или вгрызаться в горло.

– Каков же план «Б»?

Честно говоря, и плана «А» не существовало, а уж план «Б» придумался экспромтом.

– Прост и незамысловат – мы вместе отправляемся громить Эска.

Старший сын Джойаны Алэйи против младшего – о таком раскладе Херевард Оро и мечтать не смел.

– А потом вы проглатываете Янамари, – кивнул граф.

Тив Мэриот воздел указующий перст в назидательном жесте.

– Восстанавливаем историческую справедливость и Синтаф в прежних границах – от океана до океана.

Прозвучало высокомерно, но когда это чистокровный диллайн чурался демонстрации превосходства над остальными смертными? Вот и тив не стал.

– Не получится, – упрямо возразил Рамман.

– А у вас нет иного выхода, гражданин Никэйн.

Мэриот тоже умел отрезвлять собеседника чеканной интонацией, чтобы, значит, каждое слово, как ведро ледяной водицы на горячую голову.

– Есть.

– Самонадеянность такого рода весьма похвальна, но фатальна. Мой вам совет, гражданин Никэйн, собирайте ополчение и переходите под славные синтафские знамена. Времени вам даю до утра.

На том и расстались. Тив Мэриот покинул Дэйнлский магистрат без малейших препятствий. Хотя кое-кто из комитетчиков не против был повесить наглого посланца рядом с уже подмерзшими трупами шпионов и контрреволюционеров. Для ровного счета.

– Нечего по-благородному сопли жевать, – заявила Майрра Бино из своего уголка, отвлекшись от вязания.

– Экая вы кровожадная, гражданка, – пожурил соратницу Камилен.

– Какая есть! А отпустить этого преподобного гада не след было. Чего мы сможем до утра придумать – не понятно, а так, может, и сторговались бы.

– Наша уважаемая дама дело говорит, – встрял в перепалку Рамман. – До утра нам предстоит придумать, как устоять против синтафской армии.

И ничуть не удивился, когда все комитетчики в единодушном порыве уставились на гражданина графа. Придумывать предстояло конкретно ему. Кому ж еще?

Аластар Эск, князь Файриста

Наследственная власть – зло. Возможно, среди недолговечных созданий, вроде северян, власть, передающаяся от отца к сыну – самый надежный способ управлять народом, но у детей Лун она – самая главная беда. Всегда была таковой. За ролфи решили богини, им проще. Шуриа... Джэйфф Элир говорил, что род Князей-Змеев тянулся чуть ли не от первого сотворенного Шиларджи мужчины, и, умерев, шурианский владыка являлся подданным уже духом и указывал на своего преемника. Никаких наследников, никаких заговоров. И только у диллайн все пошло наперекосяк. Выборные правители исчезли вместе с Буджэйром, а в новой земле дети Меллинтан решили жить по-новому, отторгнув вместе с богиней и старую форму правления. Непрекращающаяся грызня у подножия трона была на руку эсмондам, а одержимость Властью встречалась среди диллайн довольно часто, чтобы претенденты на императорскую корону не переводились. А то, что у каждой провинции имелся, по сути, собственный правитель, который что хотел, то в своей вотчине и творил, мало кого в Амалере волновало. И не положи Аластар Эск своим мятежом этой практике край, Синтаф развалился бы на два десятка княжеств, вечно грызущихся между собой. Приходите, северяне, берите эту землю тепленькой.

Но за попытку создать крепкое государство, где каждый знает свои права и обязанности, где царствует закон, Эска заклеили тираном.

Возможно, конечно, свободолюбцы знали чудесный способ, как строить железную дорогу, заводы, флот без денег, но тайну свою держали в строжайшем секрете. Деньги же не хотели брать из воздуха, и золото с серебром отказывалось расти на деревьях. Вот и приходилось князю с помощью министров выискивать новые источники доходов. А где еще водится звонкая монета, кроме кошельков обывателей? Вот вам и налоги с податями, конфискации с национализациями, штрафы со взысканиями. Рекруты в армию нужны? Еще как! Землекопы на строительство железных дорог – тоже. Отсюда жесткие законы против бродяжничества, новые рекрутские наборы и высокие подушные отступные.

Оттого и деспот, потому и тиран. А еще «Кровавый Сыч». Ибо, если закон нищенство запрещает, то неимущих и бесприютных милости просим на общественные работы. И за измену в княжестве Файрист полагается виселица, а значит, шея предателя украсится пеньковым галстуком, невзирая на титул и звание. А не плетите интриг и не планируйте убийство правителя, господ заговорщики, не надо. Одержимый Властью так просто ее не отдаст. Когда это Эски довольствовались долей от целого? Им подавай все и сразу, и чтобы никаких ограничений в виде опостылевшего Учредительного Совета или какой-либо другой своры горластых пустобрехов.

Тем паче, невыносима сама мысль о наследнике. Сын – это одно, а дышащий в спину наследник – совсем-совсем другое.

Мысль о том, что Идгард станет проводить ту же политику, что он никогда не вернет старые добрые времена дворянской вольницы, доставляла Аластару извращенное удовольствие. Как же ошибаются идгардовы почитатели! Их ждет жестокое разочарование. Даже «дядюшка» Вилдаир плохо представляет, каков в деле их с Джоной «маленький совенок» и какова хватка его когтей. То-то Волк Архипелага когда-нибудь удивится.

И если бы не одержимость и не проклятая наследственная власть, все было бы иначе. Наверное. Должно быть, если в этом мире вообще существует призрачная возможность выбора. Ведь он есть для нас, для твоих детей, Меллинтан? Дай знак, что это так.

Но богиня-луна отвернула лик свой от Амалера, и столица пылала фонарным огнем, словно костер гордыни, освещая собой море и небо, злое зимнее море и низкое ледяное небо.

Аластар читал депешу из Керуша, курил и думал о том, что, как бы упорно ни отрекался от их родства Рамман, а диллайнская кровь все равно верх взяла. Захотелось лорду Никэйну свою маленькую корону. Грубой янамарской выделки, но свою. Ах, как же Эск его понимал. Как никто иной в целом мире, наверное. В самом деле, сколько же можно прятать естество за маской вернейшего из подданных? И в том, что Идгард не даст братца в обиду, Аластар не усомнился ни на миг. Сина поддержит обоих. Как удачно все сложилось, как удачно...

Князь еще раз просмотрел янамарскую прокламацию. И снова не нашел ни малейшего повода, чтобы Рамман хранил ему верность. В конце концов сам Эск присягал синтафскому императору когда-то как офицер и дворянин. И где теперь та клятва? У Предвечного в... Грубое матросское словцо пришлось очень кстати.

Гражданские свободы, открытые выборы представителей народа, отмена сословий, равенство... Любопытные слова, подлинный смысл которых Аластару уже, должно быть, не понять и не принять. А ведь они не только на языках, но и в умах. И главное – в сердцах у множества людей, лишенных Веры, брошенных богами, не нужных никому, кроме сборщика налогов и армейского вербовщика. Так почему бы им не сделать Свободу своим новым божеством, а революцию – единственной целью?

В приемной уже битый час ожидал приказа генерал Парвин, но князь не торопился. Разумеется, он отдаст необходимые распоряжения относительно бунта в Янамари. Тут и рассуждать не о чем – нужно примерно наказать мятежников. Но пока еще есть время осмыслить и, возможно, даже понять...

«Я устареваю. Как мушкет, как дульнозарядные пушки, как моя красавица «Меллинтан». Она – прекрасный фрегат, но очень скоро она не сможет тягаться с пароходофрегатами ни по скорости, ни по мощности брони. Люди устаревают духом. Те, кто учился мечному бою, никогда не прославятся как меткие стрелки. Я никогда не стану капитаном корабля, у которого нет парусов. Говорят, есть уже такие проекты», – честно признался себе Аластар.

Пусть говорят, будто князь Эск – безумен. Глупости какие! Одержимость не сумасшествие, нет. Она хуже! Она не лишает человека чувства реальности, не дарит сладкие иллюзии. Одержимый полностью отдает себе отчет в том, что делает. И если Аластар Дагманд Эск желает абсолютной власти, то это не значит, что он не понимает безнадежности своего стремления. Мир окончательно изменился, и этому миру не нужен безраздельный владыка.

Князь решительно начертал свою подпись под приказом.

– Талес!

Бессменный секретарь и вестовой всегда тут как тут.

– Да, виртджорн?

«Отчего бы не дать мальчикам шанс победить в честной борьбе? В конце концов даже молодые волки оспаривают главенство в стае у матерого вожака. Так я, по крайней мере, смогу их любить без всяких подозрений и сомнений».

– Передайте эти бумаги его высокопревосходительству немедленно.

– Так точно, виртджорн.

«Вся беда в том, что Файрист ни капельки не «Меллинтан», а народ – не сплоченная команда», – вздохнул Аластар и снова раскурил свою трубку. – А я – не дед Арайн, который однажды просто встал из-за стола, снял перстень главы рода и ушел в туман, в чем был».

Сон испуганно обошел стороной диллайнского князя, не пожелав пригасить золотое пламя его глаз. И правильно! В брюхе у Предвечного отоспимся.

Рамман Никэйн

Весть о том, что армия Синтафа перешла Наму, произвела на янамарцев эффект взорвавшейся картечной гранаты. А уж ультиматум Хереварда Оро возмутил самых безразличных к судьбе гражданина графа. Как бы ни был суров к своим подданным Аластар Эск, но в милосердие эсмондов уже давно никто не верил. Янамарцы за двадцать лет успели убедиться – маги не отличаются добросердечием, а по части зверств заткнут за пояс любых наемников.

В то январское утро солнце сияло на Дэйнлом как-то по-особенному ярко, воздух искрился от крошечных снежинок, сыплющихся откуда-то из серебряно мерцающих небес. А перед магистратом под жалобный визг флейт и тяжелый бой полковых барабанов строились отряды народного ополчения. Кадровые офицеры, перешедшие на сторону республики и принимающие теперь командование над бестолковыми обывателями, взирали на них с пониманием. Не было в Янамари ни одного мужчины старше сорока, который бы хоть недолго, но не тянул солдатскую лямку. На призыв откликнулись даже калеки, кто без одной конечности остался. Даже женщины, которые бездетные и безмужние. Тоже, кстати, обоюдными усилиями Аластара и Хереварда до такого дожили, чтобы одинокая баба себе мужика найти не могла.

От едкого запаха свежего ружейного масла, пороха и лошадиного навоза кружилась голова, как от большой кружки крепкого пива, опрокинутой на ходу. В голове Раммана стоял тихий звон, в желудке полыхал огонь, и легкая дрожь сотрясала колени.

Еще ночью он только и желал, чтобы хоть на миг стать частью происходящего в Янамари, чтобы испытывать тот же восторг и душевный подъем, как его нынешние соратники по Комитету Общественного Благоденствия. Ибо, кроме тоски и обреченности, других чувств революционный граф не ведал.

Но стоило накинуть на плечи редингот, выскочить на ступени магистрата и узреть колышущуюся волнами толпу, как растерянность Раммана куда-то улетучилась. Не считая делегатов из других янамарских поселений, прибывших поддержать новую власть, почитай, весь город с предместьями явился проводить защитников отечества на смертный бой.

Весело было в Дэйнле, грязновато, правда, и тревожно, но все равно незабываемо. Будет потом, что рассказывать внукам-правнукам, когда время пройдет. Мол, вот денечки-то горячие были! Судьбоносные, нынешним серым будням не чета.

Несмотря на мороз и ветер, у Раммана по спине потекли горячие струйки пота, и волосы прилипли ко лбу. Еще бы, ведь все эти мужчины и женщины, все дети, собаки, вороны, голуби, кошки смотрели на гражданина графа, затаив дыхание. И даже жерла пушек были повернуты к нему. Каждое его словечко, сказанное самым спокойным тоном, разлеталось и множилось эхом.

– Сограждане! – крикнул граф Янамарский, вспугнув птиц и вырвав из глоток ополченцев одобрительный рев. А как же! Аристократ обратился к ним, как к равным, своим!

Барабанный бой тут же стих, и мгновенно заткнулись флейты.

– Янамарцы! Братья и сестры!

Кто бы мог подумать, что у Раммана Никэйна голос, способный высекать из людей пламя чувств.

– Мы – те, кто веками кормил тиранов хлебом! Мы – те, кому из года в год обещали послабления и милости, но даровали только новые налоги и тяготы! Какие преступления совершили мы? Тираны полагали и полагают, что заставят нас унижаться до оправданий. Они надеются, что мы окажемся способными отречься от человеческого достоинства и пойти на поклон к врагам ради спасения наших жизней. Но есть вещи, которые невозможно отнять, – это свободная воля и справедливый закон, пред которым все равны.

Новобранцы радостно взвыли, потрясая разнообразным оружием. На военных складах вопреки ожиданиям нашлось только старье, вроде кремневых мушкетов, но в крайней нужде и вилы с косами сойдут. Запасливые янамарцы плюнули-дунули, почесали в затылке, да и полезли в подпол за припрятанными ружьями.

– Я хочу, чтобы все вы помнили одно: мужество и добродетель свободного человека заставят побледнеть угнетателей и отступить оккупантов! – продолжил Рамман.

– Да! Так! Мы их всех!

– Разве республика не является грозой для всех своих врагов? Свободные граждане, уверенные в правоте своего дела, способны одержать победу не только над простыми солдатами, но и над магами! И революция настигнет врагов всепожирающим огнем, она поразит тех, кто предал наши надежды и тела поруганию.

– На свалку тиранов!

– На помойку!

– Да, я горжусь быть членом общины, которая не потерпела правительства, пренебрегшего его правами, порвавшего со справедливостью, с добродетелью и с природой. Я горжусь тем, что нахожусь среди людей свободных и честных.

Мало-помалу его охватила бешеная эйфория. Рамман не чувствовал ни холода, ни страха, ни сомнений. Все правильно! Только так и нужно. Нет пути назад, значит, только вперед.

– Кто они такие, чтобы объявлять войну, не спросив у народа? – прокричал он, указывая рукой на север, в сторону Амалера. – Как смеют лгуны и воры, укравшие у наших предков и потомков божественное покровительство, претендовать на эту землю – преданную ими тысячу раз?

Граф резко развернулся и гневно воззрился в направлении, откуда ночью палили пушки Хереварда.

– Добрые люди! Честные труженики земли Янамарской! Мы скорее погибнем, чем дадим снова осквернить наши нивы наглым триумфом почитателей лжебога! И поскольку смерть стала долгом, то лучше уплатить его свободными, чем сутяжничать о нем, сделавшись рабами.

– Да! Смерть! Смерть им!

Толпу на площади словно подождгли со всех сторон. Женщины подняли визг и вой, мальчишки засвистели, а мужчины, еще полчаса назад обреченно ждавшие неизбежной смерти под пулями синтафцев, ощутили себя непобедимыми героями, с которыми все боги, какие только есть в этом мире, заодно.

– Я – преступник! – продолжил свою речь граф. – Да! Я преступник, как и все мы, и наше преступление в том, что мы не составили раньше заговор против тех, кто замыслил погубить нашу свободу! Смотрите, вольные янамарцы, смотрите и запоминайте на всю жизнь этот день. Чтобы потом рассказывать, с каким мужеством повернули мы свои штыки против злодеев и злоупотребителей, против тех, кто безнаказанно попрали законы и пользовался нашим доверием беззастенчиво!

Пес раздери и змей пожри! Он в свое время не побоялся пойти за Аластаром против, казалось бы, необоримой власти эсмондов. Чего теперь бояться? Пушек и штыков Синтафа? У них тоже есть пушки и ружья. Гнева Эска? Одержимому Властью гневаться, как с горы катиться. Так не все ли равно?!

– Честность всегда была добродетелью янамарцев. Я точно знаю, вы – воины этой земли, вы не предадите истины и не станете служить зависти! Вы подадите пример воздержанности и мужества, пример благоразумия и человеколюбия. Ибо кто же защитит нашу благословенную и многострадальную родину, кроме вас – отважные мужчины и верные женщины, беззащитные дети и калеки. Мы вместе! Нас не сломить! Да здравствует Свобода!

– Свобода! Республика! Янамари! – скандировала разгоряченная этой невероятной речью толпа.

Рамман и сам от себя не ожидал такого порыва. Куда подевалась его осторожность? Ее смела волна радостного возбуждения. Словно невидимые оковы вдруг спали, и обнаружилось, что можно распрямить спину, вдохнуть полной грудью.

Стоявший ближе всех мальчишка-барабанщик воодушевленно отбил злую дробь, ему ответила звонким медным кличем труба другого музыканта, призывая к действию.

– В бой! – вскричал Рамман. – С нами лучшие из богинь – наша Свобода и наша Честь!

– В бой! Смерть им! Янамари! Янамари! Родина!

Никто не собирался сидеть и ждать, чем кончится сражение. Дэйнлцы вдруг перестали быть пестрой толпой, удивительная нездешняя сила превратила множество людей в единое целое. Ритмично застучали башмаки марширующих ополченцев по мостовой, истошно закрипели колеса лафетов, женщины подхватили мелодию незатейливой песни, заполоскались на ветру самодельные флаги. Огромная, живая и совершенно бесстрашная «змея» текла навстречу синтафской армии с одной целью – победить. Или умереть.

«Властвовать и не быть виновным нельзя», – наконец-то граф понял суть старой поговорки, которую так любил Бранд.

Он вскочил на коня и принял из рук Майрры Бино свежешитое знамя.

– Веди нас, гражданин Никэйн! Мы с тобой! – кричали ему вслед.

– А я с вами, сограждане! – отвечал Рамман.

И кабы досталась бы ему хоть капелька шурианского мистического зрения, то, оглянувшись, он бы обязательно увидел распростертые над янамарским ополчением призрачные могучие крылья. Боги всегда становятся тем, кем хотят их видеть люди. Эту богиню звали Свобода. Теперь осталось лишь доказать, что смертные достойны ее благословения.

Грэйн

Приставучие драгуны, как это ни странно, на поверку оказались совсем даже неплохими парнями. Вот что значит – сначала стрелять, а потом разбираться. Отношения сразу приобретают необходимую доверительность. Впрочем, у Грэйн так и так было преимущество – вооружены фэйристанские кавалеристы оказались устаревшими дульнозарядными винтовками, и ролфийка при желании успела бы перестрелять всю троицу, не отвлекаясь на перезарядку своих пистолетов. Особого доверия драгуны у эрны Кэдвен не вызывали, однако другого источника информации у нее не было. Ко всему прочему, у янамарского возчика все-таки не выдержали нервы, и без того издерганные путешествием в компании ролфийки, и он сбежал. Натурально, вместе с санями. Когда Грэйн хватилась пропажи и выскочила на двор, янамарца уже и след простыл. Послав пару ругательств в морозное темное небо и послушав волчий вой, женщина сплюнула и вернулась в тепло станции. Не бежать же теперь следом?

– Возчик сбежал, с-скотина! – мрачно посетовала ролфийка, усевшись поближе к печке и водрузив ноги на лавку. – До утра отсюда не двинуться... так что рассказывайте, что с вами все-таки приключилось? А, герои? Тоже драпануть надумали?

– Да мы и сами не знаем, вашество, – вздохнул тот кавалерист, что побойчее, трогательно укрывая раненого капрала шинелью. Капрал промычал что-то нечленораздельное и дрыгнул здоровой ногой. Товарищ снова вздохнул и поднес ему початую бутылку. Раненый заманчиво булькнул несколько раз и притих.

– В разезде мы были, – печально рассказывал драгун. – Возвращаемся – а вместо поста пепелище, и нету никого. Лейтенант взял двоих и поскакал выяснять... да так и сгинул где-то. А тут метель еще... Вот мы и двинули сюда, на станцию. По дороге еще троих недосчитались. Видать, утекли. А здесь тоже – зрителя нет, народу никого нету, разбежались все. Вчера, правда, заехали двое, прокламацию привезли и растолковали, дескать, революция у нас. Янамари, значицца, от Эска отложилось, и присягают все теперь не то графу, не то комитету какому-то... Никакой, вашество, ясности. Так что и мы покуда здесь засели. Все ж таки пограничная стража – а от границы станция эта сама ближняя.

– Ну, а сами-то? – Грэйн поманила к себе бутылку. – Кому думаете присягать? Графу или комитету? И как с Эском быть – ему-то ведь тоже присягали?

– Лично я, вашество, еще Атэлмару Шестому присягнуть успел, – хмыкнул фэйристанин. – Так что... Эск там или граф Никэйн – мне без разницы. Наше дело – граница, а она, как ни крути, при любом правительстве будет, что князьем, что комитетском.

– Резонно, – кивнула ролфийка. – Ну... Ролэнси же ваша республика или как ее там войну покамест не объявила? Нет? Вот славно! А раз вы, парни, такие бесхозные, надобно мне вас прибрать и определить к делу. Ты морду-то не криви, дружок. Вас тут два с половиной калеки, пропадете ни за чих собачий. А на той стороне говорят, будто Херевард нацелился Наму перейти. Так что вам теперь два пути – либо мундиры с плеч и в подпол, либо, если вы такие герои, давайте со мной в Дэйнл. Хоть какое-то начальство там точно найдется. Да и повеселее вместе-то будет. А? Что скажете?

Если честно, ответ драгуна оказался неожиданным. Солдаты помялись, переглянулись – и отказались.

– Благодарствуйте, ваша милость, но – нет.

Вид у обоих был смущенный донельзя.

Грэйн показалось, что она поняла.

– А! Это потому, что я – женщина.

– Нет, вашество, и даже не потому, что ролфи, – покачал головой файристянин. – Вы уж извиняйте, только мы отсюда – никуда. Должен же кто-то... ну... за порядком здесь следить и вообще...

– Видала я, как вы тут следили за порядком, – ухмыльнулась ролфийка. – Ну, да я – не военная полиция и не вербовщица, чтоб вас тут агитировать! И до ваших файристянских придумок мне дела, в общем-то, нет. Не хотите – как хотите. Я заберу одну из ваших лошадей. Благодарите своего капрала – это из-за его прыти я осталась без транспорта! Сообщить о вас в Дэйнле, когда я туда доберусь?

Ее намерения насчет лошади драгунам, конечно, понравиться не могли, однако спорить они не решились, только обменялись угрюмыми взглядами. В конце концов у ролфийки было оружие, да и меткость свою она уже доказать успела. Готовность пустить в ход пистолет обычно значительно меняет расклад сил. Опять же про ролфей всем известно, что для них кровь – что водица, кишки выпустят и не поморщатся. Разве что, когда бешеную бабу сморит сон... Грэйи понимающе улыбнулась. Нет, она не читала мысли, просто намерения солдат были настолько очевидны, что не догадался бы только ребенок.

– Парни, даже не пытайтесь, – честно предупредила она. – Вас всего двое, и вокруг – никого. Глотки сорвете, а на помощь не дозоветесь. К Хереварду, может, хоть перебежать сумеете, а я вам просто кишки прострелю, если рыпнетесь. Так что насчет Дэйнла? Сообщить про вас?

– Спасибо, ваша милость, за предложение, но нет, не нужно, – осторожно отказался солдат. – А что же, ваша милость так в ночь и поскачет?

– Именно, – ролфийка встала и застегнула верхние крючки шинели. – Не буду вас лишний раз искушать, вояки. Ну, бывайте!

Честно говоря, она все-таки ждала, что кто-то из них нападет, едва она повернется спиной. Но обошлось. Видимо, ролфийка оказалась достаточно убедительной, чтобы драгуны не решились рисковать.

«Все-таки парни они неплохие, – подумала Грэйи, подстегнув драгунскую лошадь. – Сообразительные! А до Дэйнла еще скакать и скакать... Вот и погляжу, что там у них за революция! И как там мое священное змейство!»

Синеватый лик Глэнны величаво выплыл из-за туч, словно Мать яблок и змей решила глянуть одним глазком на ролфийку. Эрна Кэдвен отсалютовала ей хлыстом и дала шенкеля реквизированной кобыле.

Илуфэр Омид, северянка

Округлые, очень женственных очертаний холмы Янамари в пасмурную погоду казались просто серыми и немного меховыми из-за покрывающих их садов. Серые мягкие волны, но в отличие от морских – надежные и домашние.

А если продышать в покрытом изморозью стекле окошечко побольше, то можно рассмотреть маленькие домики селений с выющимися из труб дымами, похожими на горделивые кошачьи хвосты. Этот дым пах по-особенному, чуть сладковато, а не смолисто, как когда-то в Дэрсене...

Некоторые люди помнят себя с самого раннего возраста. Цветок, нарисованный на ящике комода, камушек у порога, высокую ступеньку, еще какую-нибудь незначительную мелочь, которая бережно хранится всю жизнь. Словно затертая монетка на дне кармана лежит себе и лежит. Не купить за нее ничего, но и не выбросить.

Илуфэр помнила себя шестилетней, крошечной песчинкой в бушующем море. Огромные сизые волны и липкий ужас, залепивший рот, точно войлоком. И привкус желчи в любой еде.

Потом мама Сидже... Так звали ту женщину, которая ее растила, но скорее всего это было ненастоящее имя. Так вот, мама Сидже сказала, что младшего брата Илуфэр смыло за борт. Но девочка не помнила никакого брата, она забыла все, даже свое имя. И вместо сказок мама Сидже рассказывала приемышу об их далекой родине – земле Ходадад, о ее суровой красоте и непростой судьбе. О том, что родители Илуфэр заплатили серебром половину веса своих детей, чтобы те очутились среди энгра-хайн². Это все равно дешевле, чем каждый день резать цыпленка, кролика или крысенка до самого их совершеннолетия, чтобы слабый, нежизнеспособный дух ребенка случайно не выскользнул из тела. И далеко не все решало серебро. Совет Сведущих отобрал самых здоровых и сильных малышей, безжалостно выбраковывая тех, кто не сумеет пережить плавание или сразу же привлечет внимание энгра-хайн своим болезненным видом. Так что Илуфэр повезло много раз, прежде чем она ступила на берег Энгры – земли тучных духов.

Дэрсен – так звалась ферма, где они росли – выкупленные у смерти дети с другого берега моря. Большой уютный сельский дом, где хозяйничали сердобольные люди, так любившие заботиться о «сиротках». А почему бы и нет, раз у госпожи Сидже столь доброе и щедрое сердце? Опять же, помощь в хозяйстве от «сироток» существенная. А глядя на розовощеких упитанных малышей, покупатели еще раз убеждались в целебной силе дэрсенского молока и сыра. И не скупились.

За все нужно платить, за возможность черпать из бездонного колодца Жизни – тем более. Особенно за то, что в тридцать выглядишь восемнадцатилетней.

Мама Сидже говорила: «Не жaley их, они не заслужили этого богатства, так же, как и мы не заслужили увядания и смерти». Илуфэр смотрела вокруг себя, на соседей и прохожих, на взрослых и детей, и понимала – не заслужили. Ничем. Энгра-хайн точно так же убивали друг друга, морили голодом, насиловали и грабили, и жили, жили, жили... И не было их жизни конца и предела. Как, скажите, как их не ненавидеть за это? Как не отбирать их перезревшие сочные души?

Почему пышнотелая пьянчужка Лэмма, торгующая дешевым крепким вином, ровесница прадеда Илуфэр, не ведает хворей, свойственных старости, всех этих суставокрутов, глазных бельм? И не узнает никогда. А помрет Лэмма от ножа ревнивого любовника – и будет лежать в луже крови мертвая, но при этом свежая, как только что пойманная и выпотрошенная форель.

² Энгра-хайн – сытые демоны (*северян*).

Они все были такие, даже те немывтые бродяги, на которых охотились долгими осенними ночами подрастающие Дети Надежды. Практиковались совершать столь важный ритуал жертвоприношения. Получалось не с первого раза и далеко не у всех. Не так-то просто убить живого человека. У Илуфэр получилось только с третьим, и то, наверняка, лишь потому, что он был солдатом. Такая злобная рожа! К тому же одноногий. Мысль о том, как тяжело ему жить с одной ногой, вдохновила на решительный удар ножом в горло. И вообще, увечье – омерзительно.

Никого из Детей Надежды не понадобилось принуждать к тайной работе по медленному завоеванию Энгры. Главное, чтобы рядом не оказалось змееглазых шурхайн и остроногих ролхайн – шуриа и посвященных богиням ролфи. Впрочем, Энгра почти очистилась от сизолунных детей, чтобы северяне чувствовали себя здесь почти как дома.

Как дома... А как там бывает – дома? Мама Сидже понятия не имела, выучив историю своего народа по книгам. Илуфэр не помнила, да и не хотела вспоминать, откровенно говоря. Поэтому девочка всматривалась в гравюры, изображающие каменистые долины, зажатые между ледниками, и причудливые фонтаны горячей воды, бьющие прямо из-под земли, без энтузиазма. Энгра – вот ее дом, и другого не нужно. Здесь даже ледяной зимний ветер живителен. И каждый вздох дарит новые силы.

А праздники энгра-хайн... Втискиваясь в эти бесконечные шествия, повод для которых утрачен за ненужностью, Илуфэр испытывала экстаз. Задыхалась под дешевой маской от переполняющих все существо чувств, и билась, как рыбка в сетке, в пляске, жадно впитывая чужую жизнь. Дети Надежды рано познавали плотские удовольствия. Есть множество способов, при которых девичество не страдает. А что делать, если нужно выдавать себя за юную и невинную деву?

Клюнул же Рамман? И правильно сделал. Энгра не то место, где девушка станет беречь себя полвека.

Как же все прекрасно складывалось! На Илуфэр работали все сородичи, абсолютно все, кто находился в Файристе. Ее берегли, ей создали идеальную репутацию. До князя Эска и князеньша Идгарда рукой было подать. Кабы не шурианка, все сложилось бы, как задумано... как заказано, как суждено.

Встреча с дочерью Шиларджи никак не входила в планы Илуфэр. Только не с шуриа. Как говорила мама Сидже: «Хочешь жить, избегай змей». Девушка неукоснительно следовала этому совету и, как всякий удачливый игрок в прятки, почти уверилась в своей неуязвимости. Перестала бояться шуриа тем животным страхом перед разоблачением, который обязан быть у любого тайного агента. Пока не увидела портрет в галерее Янамари-Тай. Знаменитый синтафский мастер безошибочно уловил и вызов во взоре, мол, тебе заплатили, рисуй теперь Проклятую, и обреченность в легком наклоне головы, и легкомысленность жеста – тоненькие пальчики теребят сережку. Но на северянку с холста смотрела Та-Что-Все-Увидит-и-Поймет-Сразу. Потому что Джойана Алэя из рода Ияри сама Жизнь, в то время как Илуфэр – Смерть. И они всегда будут видеть друг друга хоть вблизи, хоть издалека. Расстояние не имеет значения. Джойана Ияри мчит в Янамари на всех парах, ибо чует – в ее родное гнездо, в семейную теплую нору, в логово всех Янамари заползла смерть. Северянка боялась лишь один раз прикоснуться к вещам обстановки. Знала, они донесут, они расскажут своей настоящей хозяйке про незваную гостью. Так и представляла, как изящная банкетка, на которой так удобно сидится, поползет к графине на согнутых ножках. Дескать, не вели казнить, хозяйка, недосмотрели за окаянной паскудиной-мертвячкой.

И Рамман не простит, когда узнает. Он, единственный во всем мире, первый и последний под тремя лунами, кто любил Илуфэр Омид по-настоящему, он отвернется, содрогаясь в ужасе и отвращении. Только так и никак иначе.

Когда ты живешь среди энгра-хайн, ты с каждым днем понимаешь одну простую истину – либо они, либо такие, как ты. Вместе не выйдет и рядом – тоже.

А Рамман... Что ж, она насладилась каждым мгновением с ним. Совсем-совсем по-шуриански. Когда знаешь, что будущего нет, любая мелочь чувствуется острее. Словно кожи нет, она вся сожжена, и каждый нерв оголен. Больно, конечно, но потом привыкаешь и даже находишь некую прелесть в страданиях.

Очень романтично и даже в чем-то трагично, но... появление Хереварда Оро все изменило. А может быть, расставило по своим местам?

Илуфэр долго думала, с чем бы сравнить свое положение, но так и не нашла достойных исторических примеров. Справедливое возмездие вообще большая редкость.

И не с чем сравнить это высокое трепетное чувство, когда чужая жизнь, долгая-предолгая, лежит тончайшей ниточкой в твоей ладони. Озноб и жар, нервическая дрожь и каменное спокойствие, высокий порыв и низменный животный страх – как это называется? Илуфэр Омид не знала, и, пожалуй, никто не знал. Но она оказалась рядом с Тем, Кто Виновен, неспроста. И если это не судьба и чудо, то – что тогда?

– Сударыня, соблаговолите следовать за мной, – сказал офицер, низко кланяясь госте Благословенного Святого.

– Уже иду.

Она медленно повернула голову и одарила молодого человека нежной улыбкой. Той самой, которую ей своими твердыми и по-мужски сильными руками слепила мама Сидже. Взяла за подбородок, заставила глядеть прямо в глаза и, будто тесто мяла, стала водить пальцами по лбу, щекам и подбородку.

«Уголки губ должны быть немного приподняты, чтобы сами они были пышнее, а щеки круглее. И глаза не растягивай, а округляй. Да не тарачи их, как сова, а чуть распахни. Во-о-о-от! Брови, чтобы вразлет. И если я увижу на твоей мордашке прежний собачий оскал – берегись розги. Поняла? – приговаривала женщина. – Повтори. Отлично! Называется «невинность во плоти». И потом делай с мужиками, что хошь. Чего ты хочешь, деточка?»

«Жить», – без колебаний ответила Илуфэр.

«Так убей и живи себе», – хмыкнула мама Сидже и улыбнулась точно такой же улыбкой – искренней, невинной, открытой.

Элайн Конри

Жизнь заговорщицы – это прогулка по тонкому весеннему льду, а если ты при этом еще и ролфи, то сей опасный променад частенько превращается в забег с препятствиями, лаем своры за спиной и тобой, такой опытной и умной, в роли загнанной лисицы. Хочешь сохранить шкуру в целостности – не отмахивайся от предчувствий. Вот такая немудреная мораль. А не боятся только идиоты...

Элайн – боялась. Нет, это слишком слабо сказано. Элайн было жутко. Шестерых она отправила в домик на болотах, чтобы передать Этого Шуриа с рук на руки Бэхрему и его людям, шестерых... и вот уже который день от них ни слуху, ни духу. Словно сгинули среди заснеженных болот, не оставив ни следа, ни писка! Шестеро здоровых, проверенных бойцов!

Неизвестность угнетала более всего. Что могло произойти с такими опытными головорезами? Не Маар-Кейл же их сожрали!

Будь Элайн эрн-Конри недалекой жадиной, вроде муженька, то впору бы заподозрить, что бойцов перекупили. Однако на своей «дружине» леди Конри не сэкономила. Что тогда? С новорилиндарами сцепились или Бэхрем решил выйти из игры, не предупредив соучастницу?

Как оказалось, в последнем предположении Элайн была не так уж не права. Глава Новой Рилинды и впрямь отошел от дел. Но тут-то и крылся подвох.

Против всех мыслимых правил конспирации печальную весть касательно лидера повстанцев леди Конри принес не связник-смесок, а вполне себе чистокровный шурий из бэхремовских гаденышей – один из его ближайших подручных, в иное время плевавший ядом от одного только упоминания ролфи. Теперь же господин Дэроэш, перепуганный до полусмерти, припал к юбкам Элайн среди бела дня и не где-то в темном переулке, а практически на центральной площади. Аккурат напротив отделения банка «Нувольм и сын», которое леди Конри почтила очередным визитом ради проверки состояния своих капиталов. Только-только обеспокоенная леди выставила ножку, намереваясь выйти из кареты, как метнулся к ней, подобно стреле летящей, некий чернявый верткий типус и мертвой хваткой вцепился в меховую оторочку ролфийкиной пелерины. Будь Элайн приличной дамой, взвизгнула бы, право слово. Но женщина лишь брезгливо поджала губы и бросила:

– По вторникам не подаю! Извольте отцепиться, милейший!

– Сударыня! Все пропало! Нам конец!

После такого заявления, весьма громогласного, Элайн ничего не оставалось, кроме как затаскать паникера к себе в карету. Нахмурившись, леди с хрустом раскрыла веер и спросила со всей возможной строгостью:

– Что все это значит? Вы из людей Бэхрема, я полагаю?

– Нету! Нету больше Бэхрема! Ни Элира Бэхрема, ни Шэйза Тиглата! – взвизгнул повстанец. – Нам конец... мы все умрем!

– Рано или поздно – несомненно, – вздохнула Элайн. – Что значит – нет Бэхрема? Тиглат... ха, я так и знала! Где же он?

– Убит! Убит, и поверьте, сударыня, смерть его была нелегкой. Этот предатель, этот коллаборационист Элир... – шуриа осекся и заклекотал, будто задыхаясь. – Он их всех убил! И теперь – придет за нами!

– Откуда вы знаете? – Леди поневоле поежилась, но немедля подавила дрожь. Должен же в этой карете хоть кто-то оставаться мужчиной! – Может, вам нюхательной соли?..

– Я же шуриа, сударыня, – повстанец шмыгнул носом и взял себя в руки. – Ко мне явились духи... души тех, кто был с Тиглатом. Элир – шаман, он их не просто убил, он их послал к нам! За нами! Он идет за нами... он...

– Прекратите истерику, сударь! – Элайн оскалилась и с рычанием треснула его веером. – Спокойней! Сколько человек было с Бэxr... с Тиглатом? У нас еще остались силы. И если этот Элир явится, мы, несомненно, разберемся с ним – и на этот раз окончательно.

– Нет уж, это без меня, – успокоившись, жестко возразил новорилиндар. – На наши силы можете не рассчитывать, миледи.

– Ну, как угодно. Кстати, кто-нибудь знает о том, что вы решили меня найти? А? Да не тряситесь вы так! Чего вы от меня-то хотите, господин повстанец?

– Н-ну... В наше время не так-то просто исчезнуть...

– Возьмите и проваливайте, – леди Конри, не смущаясь, задрала подол и достала из потайного кармана кошелек. – Вы не знаете меня, а я – вас. Это понятно?

– Более чем, – просиял тот. – Вы обо мне больше не услышите, миледи.

– Вот и прекрасно, – вздохнула женщина и устало прикрыла глаза. Всего лишь на миг, но когда открыла, новорилиндара уже и след простыл. Ускользнул в лучших шурианских традициях – даже шторка на дверце не качнулась. – Тем лучше... – пробормотала Элайн, размышляя.

Долго раздумывать, впрочем, она не стала. Ситуация представлялась настолько ясной, что лишние размышления были, в общем-то, ни к чему. Речь ведь шла не о чьей-то там ничемной жизни, а об ее, Элайн, драгоценной шее. Или скальпе. Или на что там нацелился этот недорезанный убийца, который умудрился расправиться не только со своими сородичами, но и с ее людьми. Наверняка он прибудет в Индару, скажем так... очень расстроенным. Попрощались ведь они не слишком доброжелательно!

Честно говоря, Элайн знала только одного человека, который мог теперь ее защитить. Не бесплатно, разумеется... но у нее как раз имелось кое-что, чем можно расплатиться. Для чего тогда еще нужны мужья?

– Так, – вслух сказала она, складывая веер. – Ну что же... будут еще возможности! Тэйг! Гони к ролфийскому посольству!

Джэйфф Элир, шуриа

Джезим всегда был добр к своему сыну. Иначе как объяснить внезапную оттепель, благодаря которой шуриа все-таки сумел добраться до ближайшего городка? Мороз, едва не сгубивший Джэйффа, вдруг пошел на убыль, а секущая злая поземка сменилась пушистым снежком, как раз когда он мысленно попрощался с Грэйн и Шантой. Чудеса, да и только!

На постоялом дворе для обмороженного бродяги сыскалась бадья горячей воды, миска жирной похлебки и относительно чистый тюфяк. Но едва просохли выстиранные подштанники и нательная рубаха, Джэйфф двинулся дальше. В Индару, где его *не ждала* Черная Волчица – Элайн Конри. Конечно, неприлично являться на глаза женщине, когда уже один раз попрощались навсегда, но откуда у шурианского разбойника хорошим манерам взяться, верно?

Собственно, Джэйфф не собирался мстить ролфийке в рилиндарском стиле – насиловать, резать и терзать, но за косы отволочь к эрну Оринэйру – дело почти святое и необходимое. Как он, дурак эдакий, раньше-то не додумался, что вернуть лорду Конри беглую женку – это и есть самое изощренное возмездие. Вернейшее средство испоганить мужику и без того унылую жизнь.

Джэйфф в красках вообразил себе радостную встречу супругов, не выдержал и таки хихикнул злорадно, перепугав своих будущих попутчиков. У чахоточного вида дамы едва не случился приступ, когда она разглядела в нем шуриа. А в ушках у нее, между прочим, висели сережки с недурственными жемчугами. Остальные пассажиры почтовой кареты оказались еще более беззащитными, искушающе беззащитными.

«А еще смеются над ролфи, мол, на островах у каждой домохозяйки свой мундир и устав, – подумалось Элиру. – Здесь, в просвещенной и свободной республике, определить, кто какого сословия, чина, звания и профессии, проще простого».

Мнущийся чуть в сторонке мужчина с саквояжем – мелкий адвокатишка, судя по сапогам и рединготу – лучший друг сельских сутяг, веками делящих межу с соседями. Простуженный, весь насквозь сопливый молодой человек в куцей курточке – студент. Печальная барышня – гувернантка. Аккуратно, в тон подобранными нитками заштопанные локти жакетки тому свидетели. Девочки с теткой – сиротки с опекушкой. Имеющий глаза да увидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.